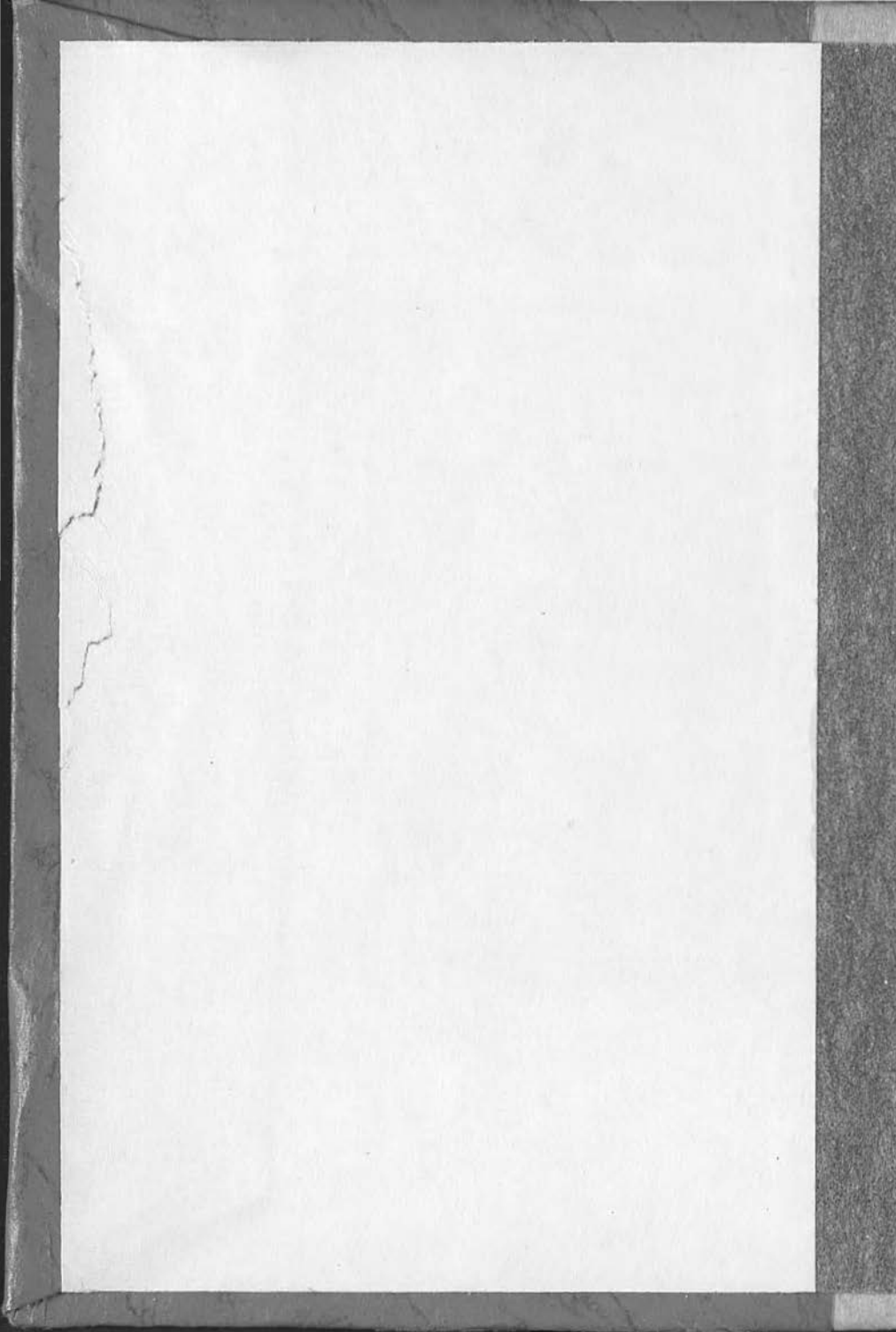
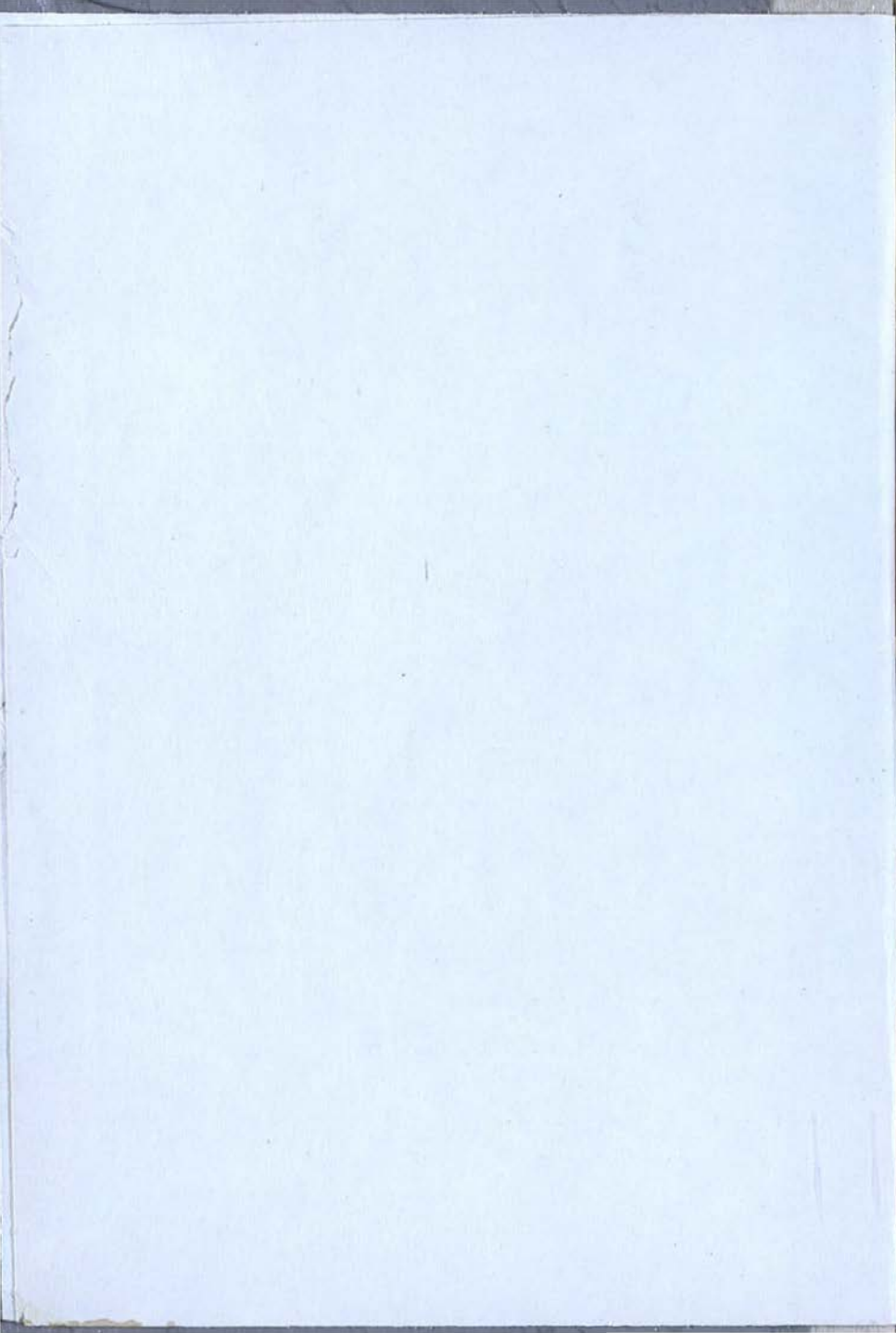

К Бобрышев И.
372 Мелкобуржуаз-
ные влияния среди
молодёжи

И. БОБРЫШЕВ

НХ
К 372

2я ф.б.ч

ЕЛКОВУРЖУДЗНЫЕ
ВЛИЯНИЯ

СРЕДИ
МОЛОДЕЖИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

100-100

1234

6кз42

И. БОБРЫШЕВ

МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ВЛИЯНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Очерк

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

НХ
К 372

Отпечатано в типографии
«Э М Е С»
Москва, Покровка, д. № 9.
Главлит № А—10608.
Тираж 4.000 экз.
Изд. зак. № 2570.

997
28

НХ
К 372

Отпечатано в типографии
«Э М Е С»
Москва, Покровка, д. № 9.
Главлит № А—10608.
Тираж 4.000 экз.
Изд. зак. № 2570.

997
28

І. ВРАГОВ НАДО ЗНАТЬ

(Вместо предисловия)

Борьба за молодежь продолжается. — Враги извне и враги под „собственными черепами“. — Чтобы победить врага, надо знать его. — Против благодущия в области идеологической борьбы.

Коммунистическое воспитание молодежи в нашу эпоху прежде и раньше всего означает борьбу за молодое поколение Советской страны, борьбу рабочего класса, его идеологии, с враждебными пролетариату классовыми силами.

Борьба за молодежь — классовая борьба. Классовая борьба у нас не прекращается ни в одной области. Она идет повсюду: и в экономике — здесь в первую очередь, и в политике, и в искусстве, и в быту. Не прекращается — не может прекратиться — она и за влияние на молодые людские кадры Советского Союза.

Вопрос, поставленный в свое время Лениным: «кто кого?» — окончательно не решен. Уже достигнутый, решающий и все растущий перевес социалистического сектора хозяйства страны над капиталистическим сектором ленинского вопроса не снимает. Капитализм еще не добит победоносным социалисти-

ческим строительством. Враги революции и социализма еще живы. Время от времени они, подбадриваемые своими зарубежными соратниками, даже пытаются поднять головы.

Но наши враги опасны не столько прямыми атаками на революцию (о сколько-нибудь серьезных попытках к этому теперь, на 11-м году пролетарской революции, не может быть речи), сколько своими **идеологическими влияниями** на отдельные прослойки трудящихся масс. Незаметными, извилистыми ручейками чуждые и враждебные нам влияния пытаются просочиться в наши ряды и тем самым подточить их сплоченность. Сплоченность же нам нужна самая тесная, в полном смысле **непроницаемая**. Особенно теперь в условиях непрекращающейся классовой борьбы. Непроницаемая же сплоченность — это раньше и прежде всего **идейная** сплоченность. В такой сплоченности — главная наша сила, главная наша крепость. Проникновение чуждых идеологических влияний в комсомол ослабляет идейную сплоченность, главную крепость наших рядов. Борьба с этими влияниями всегда являлась постоянной задачей комсомола. В этой борьбе наш союз развивался и политически закалялся.

Но эта борьба **во всю ширь** нами не поставлена. Внимание на ней не сосредоточено **со всей силой**.

Что означают проникновения чуждых влияний в комсомольскую молодежь? Они означают успехи врагов рабочего класса в их **борьбе за молодежь**. Надо ясно и отчетливо видеть **классовый характер** борьбы за молодежь. Наши враги хитры и изворотливы. Под различными флагами, масками и ширмами ведут они свою работу. И **классовое лицо** нашего врага у нас замечают не всегда.

Классовый враг в борьбе за молодежь редко выступает прямо и организованно. Такие факты, как создание антисемитской организации—«русский комсомол», религиозных организаций—«христомолы», «бапсомолы», характеризующие возрастание активности и организованности наших врагов, не являются общими и характерными для последних. Враги чаще действуют исподволь, через отдельные прослойки рабочего класса.

«Россия,—писал Ленин,—гораздо более мелкобуржуазная страна, чем страны западно-европейские. У нас поэтому особенно часто появляются люди, группы, течения, отличающиеся тем противоречивым, не твердым, колеблющимся отношением к социализму (то «пылкая любовь», то подлая измена), которое свойственно всякой мелкой буржуазии»¹. Пролетариат в нашей промышленно слабо развитой стране со всех сторон окружен мелкой буржуазией, которая обладает теми свойствами, которые выше характеризованы словами Ленина. Из мелкобуржуазного окружения по многим каналам в пролетариат просачиваются чуждые влияния.

Сам пролетариат далеко не однороден. В его среде, на ряду с закаленной частью, прошедшей огонь, воду и медные трубы долгой ожесточенной классовой борьбы, на ряду с «потомственными пролетариями» существуют и другие прослойки—недавно пришедшие из деревни, выходцы из городской мелкой буржуазии. «...Пролетариат всегда соприкасается с самыми разнообразными слоями мелкой буржуазии, всегда рекрутируется снова и снова из этих слоев».

¹ Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. II, стр. 348.

В этом явлении нет ничего ненормального и ничего страшного, **если только** пролетарская партия умеет переваривать инородные элементы, подчинять их себе, а не подчиняться им, умеет во-время осознать, что те или иные элементы—действительно инородные элементы и что от них необходимо при известных условиях ясно и открыто отмежеваться»¹.

Перед нами стоит не только враг, идущий извне—из чуждых пролетариату социальных слоев. Есть и другой враг—тот, который, по выражению тов. Бухарина, «сидит под нашими собственными черепами» («Революция и Культура», № 1, стр. 22). Этот враг—привычки, психология, вырабатывавшиеся в пролетариате подневольным, рабским капиталистическим строем. Враг «под нашими собственными черепами» опасен не только сам по себе, но и тем, что он часто **смыкается** с внешним врагом—с чуждыми идеологическими влияниями, идущими извне.

Враждебные влияния главным своим объектом избирают рабочую молодежь, как наименее закаленную часть рабочего класса. Рабочая молодежь так же, как и весь пролетариат, не является однородной. Помимо этого, и под ее черепами сидит враг, может быть, не столь сильный, как в черепах взрослых рабочих, но все же достаточно цепкий.

Чуждые идеологические влияния проникают и в комсомол—политическую организацию рабочей молодежи, что служит несомненным показателем наступления наших врагов на всю трудящуюся молодежь. Наличие чуждых влияний в комсомоле неизбежно. Комсомол объединяет не только пролетарскую молодежь,

¹ Ленин. Собр. соч. т. XI, ч. I, стр. 276.

не только батраков и бедняков, но и лучших середняков, учащихся и другие слои мелкобуржуазной молодежи, приходящей к нам со своим мировоззрением, со своими настроениями. В этом, как писал Ленин, нет ничего страшного, **если** мы умеем переваривать эти инородные элементы и ясно видеть подлинный их характер.

Политически закалять молодежь, отшлифовывать ее идеологию—к этому сводится основная воспитательная задача ленинского комсомола. Она осуществляется всей жизнью, работой и борьбой нашего союза, и все же у нас не всегда различают инородные элементы в организации и не всегда ясно видят подлинное лицо наступающего в борьбе за молодежь врага.

Ясно видеть врага, видеть его классовое лицо—главное условие успешности борьбы за молодежь. Чтобы победить врага, надо его знать, надо знать, к каким уловкам он иногда прибегает, чем прикрывается в своем наступлении, как стремится воздействовать на молодежь, какими путями пробирается в ее среду, иными словами—надо знать **механику классово-вой борьбы** в современной обстановке. Сложность этой механики—основная трудность коммунистического воспитания молодого поколения, и без ее познания мы в своей борьбе за молодежь будем действовать вслепую.

Не видя классового лица своего врага, мы не даем ему резкого и решительного отпора. Вот—**антисемитизм**. Рост его несомненен. Известно, что антисемитизмом заражаются и некоторые комсомольцы. Всегда ли находит он в комсомольской среде такой решительный и быстрый отпор, которого заслуживает

враждебная пролетариату и нашей организации сила? Нет, не всегда. Отсутствие такого отпора по сути означает потворство антисемитизму, его развитию.

Вот—**сектантство** и вообще **религиозные влияния**. Сектантство растет, местами довольно угрожающе. Растет, особенно в республиках с мусульманским населением, и влияние духовенства. «Братья во Христе» и их сподвижники закрепощают трудящиеся массы не только духовно, но кое-где и экономически; пытаются распространять свое влияние и на рабочий класс. Известны случаи, когда в «божественные» сети попадают отдельные комсомольцы. И этот враг, хотя и не встречает явного попустительства, но не получает со стороны комсомольских организаций **систематического** единодушного отпора. Со времени «штурма небес» до самых последних дней, до «комсомольского рождества» 1927 года, комсомольского участка антирелигиозного фронта не существовало.

На примере анисемитизма и религиозности с особенной силой выступает наше неумение видеть врага, видеть его классовое лицо.

Более благополучно обстоит дело в отношении такого врага, как **мещанство**. Его рост и проникновение в среду молодежи, в том числе и комсомольской, некоторый отпор, хотя, правда, явно недостаточный, все же встречает.

Ведется борьба, одно время она велась с большой силой, и с **упадочничеством**, которое во всех его видах и формах (от неверия в социалистические пути нашего развития до есенинщины) чуждо пролетариату, и вздвигает почву для прямых враждебных влияний.

Силу и опасность враждебных влияний не надо переоценивать. Основные, подавляющие кадры моло-

дежи и комсомольцев—здоровы. Но нельзя и недооценивать опасности, грозящей со стороны наших врагов в борьбе за молодежь. Если бы вопрос ставился: что лучше — переоценка или недооценка опасности? — то правильным ответом было бы: **лучше переоценка**. Лучше переоценить опасность, чем недооценить. Переоценить опасность, не впадая при этом в панику, до которой есть большие охотники, лучше потому, что, во-первых, враждебные влияния проникли и проникают в комсомольские массы, мешая и противодействуя делу ленинского воспитания молодежи, и, во-вторых, с этими враждебными влияниями не ведется нужной решительной борьбы. Прямо говоря, сейчас существует **недооценка** опасности враждебных мелкобуржуазных влияний на молодежь и комсомол. Прямо говоря, у нас сейчас в области идеологической борьбы много благодушия,—хоть отбавляй!—происходящего главным образом из-за того, что не все и не всегда видят подлинный характер враждебных сил, истинное классовое лицо врага.

У нас очень распространена привычка все сваливать только на нашу некультурность, на наше невежество, ими объяснять наличие в среде молодежи чуждых пролетариату настроений. Верно, конечно, что невежество и бескультурье играют здесь свою роль, но нужно видеть тех классовых врагов, которые в своих целях эксплуатируют невежество и бескультурье масс.

Нужна мобилизация широких комсомольских масс на борьбу против враждебных идеологий. Нужно покончить с благодушием к вопросам идеологического фронта. Нужно, чтобы этот фронт занял центральное место в работе и борьбе комсомола.

II. АНТИСЕМИТИЗМ

Роль антисемитизма в условиях диктатуры пролетариата.—„Вермишельный антисемитизм“ и как он получается. О „развернутой программе“ антисемитизма.—„Секрет“ секретаря ячейки.—Охраним детвору.—„Недоумевающая“ разновидность антисемитов.

1

Антисемитизм—один из самых многочисленных наших врагов. Вернее будет сказать так: антисемитизм—наиболее распространенное **оружие** наших прямых классовых врагов.

Антисемитизм всегда являлся излюбленным оружием борьбы с революционным движением. Царизм, помещики и буржуазия, натравливая трудящихся одной национальности на трудящихся другой, всегда особенно усердствовали по части восстановления рабочего класса и крестьянства против евреев. Мы знаем, в каких целях буржуазия натравливала трудящихся разных национальностей друг на друга. Ленин в своей речи для граммофона «О травле евреев» говорил: «Ненависть измученных нуждою рабочих и крестьян помещики и капиталисты старались направить на евреев. И в других странах приходится видеть нередко, что капиталисты разжигают вражду к евреям,

чтобы засорить глаза рабочим, чтобы отвлечь их взоры от настоящего врага трудящихся—от капитала».

В настоящее время антисемитизм—это излюбленное орудие наших врагов—попрежнему играет свою гнусную и позорную роль. Даже больше: эта роль антисемитизма для врагов пролетариата **возросла**. Антисемитизм, держащийся на темноте, невежестве, несознательности отсталых слоев трудящихся, стал **одним из немногих** орудий для борьбы с рабочим классом. Возможностей, сколько-нибудь широких, для борьбы с диктатурой пролетариата, враги последней не имеют. Пойти к рабочим и трудящимся крестьянам с прямыми антисоветскими разговорами теперь уже никто не посмеет—он получит такой суровый отпор, что долго его не забудет.

Другое дело—антисемитские разговорчики, перешептыванья и пересуды. Это в современных условиях своеобразный контр-революционный «агитпроп». Пользуясь им, можно исподволь, незаметно проводить свою антисоветскую работу. «Мы, дескать, не против советской власти, мы за нее, мы за советы, но без евреев в них». На такую удочку можно поймать не одного темного отсталого трудящегося, которому долгими годами царизм прививал вражду к евреям.

Антисемитизм сейчас является ширмой прямой контр-революционной, прямой антисоветской деятельности. Тем большего внимания заслуживает проникновение антисемитизма в молодежь и особенно в среду комсомольцев, ибо наличие его здесь является непосредственным результатом влияния и работы классовых врагов пролетариата и советской власти. Правильно кем-то указывалось в нашей печати, что комсомолец или коммунист-антисемит и монархист-

черносотенец—это различные названия одного и того же. Так же, как контр-революция прямо противоположна революции, так же никоим образом не совместимы, так же противоположны антисемитизм и комсомол. Ни о каком примирении здесь не может быть и речи. Враги трудящихся какой-либо другой «чужой» национальности могут быть только врагами революции и коммунизма.

Между тем, приходится со всей определенностью отметить, что среди молодежи и даже комсомольцев антисемитизм **есть**. Он просачивается с самых различных сторон. Он идет и из деревни, приносимый оттуда головами, набитыми поповской дребеденью, он идет и как прямое влияние многочисленных шептунов—злостных антисемитов, объясняющих молодому рабочему каждую его житейскую неудачу и неурядицу, каждый беспорядок, каждую трудность тем, что «во всем виноваты евреи».

2

Разнообразны формы и разнообразна почва антисемитизма среди молодежи. Антисемитизм редко проявляется в организованных формах. Но иногда появляются целые антисемитские организации. Одно время были попытки создания **«русского коммунистического союза молодежи»**. Инициаторы его писали в своей программе, что они во всем согласны с Лениным, кроме... национального вопроса, короче говоря, они основой своей программы имели антисемитизм. Интересно было бы спросить у «русских комсомольцев», согласны ли они с положением Маркса и Энгельса, с которым целиком был согласен и Ленин,

о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы?.. Согласны ли они с Лениным в вопросе о международном единении и братстве трудящихся и т. д., и т. п.? «Русским комсомольцам» не удалось и не удастся прикрыть Лениным свой явный антисемитизм, свою явную контр-революционность.

Но до организации у антисемитов дело доходит редко. Как правило, они действуют разрозненно, в одиночку. Антисемитским языком иногда начинают говорить из-за явного неумения разобраться в элементарнейших вещах. Перед нами в высшей степени интересное письмо красноармейца N-го жел.-дор. полка, 5 роты, Максима Кузнецова. Письмо озаглавлено не хитро: «Хитрые люди».

Вот, что пишет красноармеец Кузнецов:¹

«Я, как комсомолец, знакомый до некоторой степени с политикой самоопределения национальностей, а здесь умолчать не могу—против такой нации, как еврейская, хотя же многие скажут, что это антисемитизм. Зимой, не упомяну, в каком месяце, Бухарин, как пропагандист идей коммунизма, писал, что у нас у некоторой части комсомольцев и партийцев есть ненависть к евреям. Как припоминаю, Бухарин иллюстрировал свою писанину примерами. Я тоже скажу примером. Вот пример: у нас в полку зимой много говорили о значении кооперирования трудящихся масс, как организовать кооперацию, ее значение для успешности великого дела строительства социализма.

Когда наш полк стоял на старых квартирах в N, тогда он был кооперирован: была лавочка, удовлетворяла потребности полка, а сейчас на новом месте нам

¹ Приводится с сохранением стиля письма.

говорят, что окружающие условия не позволяют нам вновь продолжать торговлю в своей лавочке. Пригласили спеца, еврея, который не по нутру красноармейскому составу. Этот спец не имеет преysкуранта, сдачи 3—5 коп. не дает, говорит: «ент мелочи», и льстиво предлагает красноармейцу: «возьми конфеточку». Потом он держит для приготовления пищи кухарку, уплачивая ей $\frac{1}{3}$ минимума, т.-е. 5 р. в месяц, хотя же она работает по 16 часов в сутки. Ягода на базаре в городе стоит 7 коп., а у него 16 коп., и другие товары продает копейки на две дороже, напр., белый хлеб в городе 10 коп., а у него 12 коп. А когда приходишь в город—видишь сколько там кухарок у еврейской нации. Служат они без договоров, с оплатой 3—6 руб. в месяц. Поговоришь с кухаркой: «Ну, как живешь-то?», а она отвечает: «Плохо, никуда не пускают хозяева мои—жиды проклятые». А тут и, правда, вспомнишь-то про лозунг ленинский—каждая кухарка должна уметь управлять государством, и подумаешь, как она может осуществить это, когда ее эксплуатируют и никуда увольнения не дают со двора. Вот это заставило меня написать статью».

Мы привели это красноармейское письмо полностью потому, что оно отражает весьма интересное явление, на которое у нас мало обращают внимания. Как видно из письма, у красноармейца Кузнецова есть кой-какие початки политических знаний. Он знает некоторые статьи («писанины») Бухарина, отдает себе отчет во всем значении «для успешности великого дела—строительства социализма» кооперации, он помнит крупнейший ленинский завет—научить каждую кухарку управлять государством. Он знаком «до некоторой степени с политикой самоопределения национальности», но

несмотря на это, он в этой же политике как раз спотыкается.

Красноармеец прав «почти» во всем, но и неправ «почти» во всем. Его письмо должно помочь нам уяснить ту почву, которой иногда питается антисемитизм. Красноармеец душой боится за кооперацию, он видит прямые выгоды от нее по сравнению с частником (у первой хлеб 10 коп., у второго—12 коп.); красноармеец возмущен эксплуатацией домашней работницы, которой платят « $\frac{1}{3}$ минимума». Он возмущен тем, что кухарки работают без договоров, что им не дают «увольнения», без которого они никак не могут выполнять ленинский завет—учиться управлять государством. В таком виде письмо было бы целиком и полностью правильным, нашим письмом. В таком виде письмо отражало бы классовые, пролетарские заботы о судьбах кооперации и слабости работы профсоюзов, не сумевших охватить договорами всех домашних работниц. Но справедливые, пролетарские заботы, **классовая ненависть** красноармейца к частнику, обдирающему красноармейца, эксплуатирующему домашних работниц, **перемешалась с ненавистью национальной**. Многие правильные взгляды на вещи перемешались с отрывкой проклятого прошлого—с антисемитизмом. Во всех бедах (слабость кооперации) и во всех безобразиях (противозаконная эксплуатация домашних работниц) красноармеец готов винить «еврейскую нацию». Логическим выводом из всего тона и всей установки его письма было бы: «всех этих бед и безобразий не было бы, если не было бы евреев». До такого вывода красноармеец Кузнецов в развитии своего антисемитизма еще не дошел, и будем думать, что не дойдет, но такой вывод единственно логический из всего его письма.

Перемешивание классовой ненависти с национальной—вот что надо отметить, как основное, в приведенном письме. Здоровое, классовое, смешивается с болезненным, с враждебным пролетариату—в итоге получается не что иное, как вермишель. Такой «вермишельный антисемитизм» получается в результате неумения полностью, до конца ориентироваться в нашей противоречивой обстановке, связать концы с концами, найти ясные ответы на жизненные вопросы, неумения направить свою классовую ненависть по четкому, действительно классовому руслу (не против еврея, а против частника, эксплуататора, который таковым является не потому, что он еврей, который может принадлежать к любой национальности).

«Вермишельный антисемитизм», «социализм дураков» (Бebelь), когда здоровое переплетается с антипролетарским, болезненным, позорным—весьма распространенная форма антисемитизма в среде молодежи. Борьба с ним—это значит отместить болезненное от здорового. Если этого не сделать—болезненное отравит весь организм, антисемитизм в своем развитии превратится в злостный, махровый. Сколько-нибудь «благоклонно» относиться к «вермишальному антисемитизму» нельзя никак. Такое благоклонное отношение на деле означало бы замену четкой классовой идеологии своеобразной «идеологической вермишалью». Оно означало бы, что классовая ненависть к частнику, нэпману на деле направлялась не против капитализма за социализм, а против еврейской, а следовательно и других национальностей, против трудящихся, против социализма. Классовые рамки, классовая установка сошла бы окончательно на-нет, ненависть превратилась по сути в ненависть к тому «великому делу — строи-

тельства социализма», о котором пока еще пишет красноармеец Кузнецов.

Если мы подчеркиваем отличие такой формы антисемитизма, как «вермишельная», от злостной, махровой, то не с той целью, что к первой может существовать какая-либо «благосклонность», а исключительно для того, чтобы подчеркнуть, как растет иногда антисемитизм среди молодежи, чтобы подчеркнуть отдельные формы его развития и чтобы поставить более ясно вопрос о методах борьбы с ними.

Борьба с антисемитизмом такого вида, как «вермишельный», значительных трудностей не представляет. Она требует более последовательного и полного раз'яснения основных вопросов классовой борьбы пролетарита. Это раз'яснение должно проводиться нами, пролетарскими организациями, иначе Кузнецовы получают раз'яснения с «другой» стороны, со стороны наших классовых врагов, со стороны антисемитов.

Нет сомнения, что красноармеец Кузнецов «не своим умом» нашел свои «об'яснения». Несомненно, нашлись услужливые классово чужие «умы».

Если красноармейцу Кузнецову поставить вопросы: «у себя в деревне ты не встречался с Тит Титычем, так же обдирающим крестьян, как обдирает красноармейцев торговый «спец-еврей»? Разве ты не встречал нэпманов русских, поляков и др., также эксплуатирующих кухарок, как эксплуатирует их нэпман-еврей?»—то можно быть уверенным, что красноармеец скоро поймет, что дело не в евреях, а в частниках и эксплуататорах. Классовая ненависть очистится в таком случае от своей противоположности, смазывающей весь ее смысл и значение—от национальной ненависти, и полностью войдет в здоровое пролетарское русло.

Значительно большие трудности представляет борьба со злостным, махровым антисемитизмом, в котором от классового чувства нет и следа. Трудно сказать — какая форма антисемитизма преобладает среди молодежи. Да это и не столь важно — поскольку антисемитизм во всех его формах одинаково позорен и одинаково вреден для классового воспитания молодежи. Важно установление того, что антисемитизм вообще имеет различные формы, с которыми нужны различные методы борьбы, и важно установление основных очертаний этих различных форм.

Оставляя в стороне вопрос о том, какая форма антисемитизма преобладает среди молодежи, отметим тот безусловный факт, что злостная его форма более заметна, более выпирает. Наличие махрового антисемитизма не только среди молодежи, но и среди комсомольцев — несомненно. Тов. Мих. Горев в «Комсомольской Правде» (1927 г. № 43) в статье «О ненависти к евреям» приводит два письма, ярко рисующие **антисемитизм в комсомоле**. Вот первое письмо, т. Райса:

«...Был со мной этот случай во время перерыва, когда был завтрак. Разговорились мы с одним **комсомольцем**. Он сейчас же бросил мне упрек: ты еврей, и тебе не следует вмешиваться в разговор. Тут началась ссора. Я ему объясняю, что такое рассуждение неправильно, а он, насмехаясь, начал кричать:

— Эй ты, жидовская морда, что вам здесь нужно? Отдельную республику хотите устроить? Вам Крым отдать? Не бывать!

Собрались тут взрослые рабочие. Один рабочий, он же **комсомолец**, Добрынин, кричит мне:

— Вы хотите в вузы, в школы попасть? Это вам не удастся!

Подошел второй комсомолец, кандидат КП(б)У, студент с.-х. рабфака Аникиев. Он еще лучше начал:

— Эй ты, жидовская морда, что тебе здесь нужно? Пришел забрать хлеб у нашего брата? Мы вам, жида, покоя не дадим. Был бы 1920-й год, я бы с тобой расправился. Все вы—спекулянты, еще и сюда пришли работать.

Я не могу всего описать,—с горечью кончает свое письмо тов. Райс,—я не могу все вспомнить, но это я хорошо помню, это-то я знаю. Все это я в блокноте записал.

Это письмо излагает прямо-таки «развернутую программу» антисемитов. Здесь—большая часть «программных» пунктов антисемитизма. И Крым евреям отдают, и вузы со всеми школами евреи хотят забрать, не прочь забрать они себе и весь хлеб; здесь же утверждение, что раз ты—еврей, то тебе не следует даже вмешиваться в разговор; здесь же и мысли о расправе. Вся эта «развернутая программа» антисемитизма излагается не какими-либо темными, невежественными людьми, попавшимися на удочку заклятых врагов пролетариата, а комсомольцами и кандидатом в члены партии, к тому же студентом-рабфаковцем. Вот где злостный, махровый антисемитизм. Вот та его форма, которая наиболее отвратительна, но в то же время и наиболее воинствующа, только и ждущая того «удобного случая», когда можно будет произвести расправу над евреями. Студент-рабфаковец жалеет, что сейчас не 1920-й год, очевидно в 20-м году он, используя благоприятную для него обстановку махновщины на Украине, свои «расправы» (ясное дело, речь идет о

погромах) производил. Иначе, откуда у него такие «приятные» воспоминания, откуда такой «богатый опыт»?

Антисемит студент-рабфаковец — прямой и непримиримый наш враг. Что мы можем найти у него отличного от монархиста-черносотенца? По части идеологии никакого различия не найдешь. Студент-рабфаковец, в отличие от прямого черносотенца, пока что щеголяет в шкуре кандидата в члены партии. Надеемся, что эта шкура с него уже скинута. Погромным, явно черносотенным элементам места в комсомоле и партии быть не может.

Приведем второе письмо, т. Д. Рубинова. Он пишет: «Я, подручный слесаря, тракторист, окончил рабфак и ушел по болезни с первого курса вуза. Комсомолец. Наружность моя не похожа на еврея. Слова «кукуруза» и «ну, муха» меня не страшат. Имею часто хороший авторитет по работе, в особенности, по комсомольской линии. Все, кажется, хорошо, но как только узнают, что я еврей, моментально от меня отворачиваются, как от прокаженного, и начинают меня дразнить **не только комсомольцы, беспартийные, но и партийцы.**

А сколько юношей и девушек, которые по несчастью не могут выговорить «кукуруза» и которые находятся в рядах комсомола, сколько они переносят издевательств и насмешек: надо побыть в шкуре еврея, чтобы почувствовать всю эту боль».

Если в первом письме ставился вопрос об отдельных «конкретных носителях» антисемитизма, то тов. Рубинов ставит вопрос глубже, его письмо говорит о более серьезных явлениях в комсомоле — о наличии в отдельных **организациях** массовых антисемитских на-

строений. К сожалению, не поверить т. Рубинову нельзя. Это положение подтверждается рядом и других фактов. Вспомним дело Бейраха—ученика текстильной фабрики в г. Середи, Иваново-Вознесенской губ. Дело Бейраха стало известно повсеместно, оно возмутило все пролетарское общественное мнение, всколыхнуло весь комсомол, большинство организаций которого выносило горячие протесты против той дикой картины, которая разыгралась не где-либо в далекой глуши, а в одном из промышленных центров и к тому же на 10-м году пролетарской революции.

Мастер при попустительстве и помощи своих товарищей, в числе которых были партийцы, систематически истязал, пытал, применяя такие усовершенствованные способы, как электрический ток, ученика. В этом факте много от другого проклятого наследия—от темных нравов мастеровщины, но смело можно сказать—это установлено и расследованием и судом,—что до таких форм дикость отношений мастера к ученику никогда бы не смогла дойти, не будь здесь ярого, махрового антисемитизма. Такая дикость была, в первую очередь, следствием того, что ученик являлся **евреем**, а его мастер—**антисемитом**.

Здесь нас интересует в данном случае не эта сторона дела Бейраха. Важно отметить, что о диком, позорном отношении к ученику-еврею, вышедшему из беспризорных, самых обездоленных людей в наше время, об отношениях, установившихся и продолжавшихся в течение далеко не одного дня, не могли не знать окружающие и в том числе комсомольцы—товарищи ученика Бейраха. Но **не они** подняли дело Бейраха, **не по их** инициативе прекратилась позорнейшая, пахнувшая средневековьем страница в истории одной из со-

ветских фабрик. Комсомольцы, которые, повторяем, никак не могли не знать об издевательствах над учеником Бейрахом, не подняли первыми свой голос возмущения, а остались в тени. Нет сомнения в том, что в те кошмарные вечера, когда Бейрах, истязаемый индуктором, проклинал день своего рождения, комсомольцы сидели в политшколах, на собраниях, изучали политграмоту, у них были «закрыты глаза» на яростное, злобное наступление пролетарского врага—антисемитизма, они его, видите ли, «не замечали».

Письмо т. Рубинова ставит эти же вопросы, вопросы отношения комсомольской массы к антисемитизму. Если в деле Бейраха налицо нейтралитет комсомольской ячейки, то тов. Рубинов описывает в своем письме случаи, когда в комсомоле к своему же товарищу рабочему, активному комсомольцу, относятся так, как могут относиться только антисемиты. Рубинов—не похож на еврея, его «не пугает» слово «кукуруза», окружающие не знают, что он еврей—к Рубинову отношение товарищеское, которое одно только и мыслимо между комсомольцами. Но вот Рубинов рассказал о том, что он еврей, или об этом узнали из анкеты (смешно же скрывать свою национальность, к чему это в Советской стране, а тем более в такой организации, как комсомол?)—и картина резко меняется: от Рубинова отворачиваются, «как от прокаженного», вчерашние его друзья и товарищи-комсомольцы и партийцы начинают над ним насмехаться. По письму т. Рубинова можно подумать, что такая история с ним встречается всюду. Конечно, это не верно, конечно, этого не может быть и, наверняка, не было. Но достаточно, что такая история имела место с т. Рубиновым в одной комсомольской ячейке—мимо этого пройти нельзя.

Тов. Рубинов не один. Попустительство антисемитизму, «нейтралитет» в отношении к нему, на деле являющийся поощрением, а местами и робкое, а кой-где и прямое присоединение комсомольского голоса к антисемитскому хору—найдешь во многих организациях. Зайдите в редакцию любой газеты, посмотрите письма об антисемитизме, вы найдете много материала, подтверждающего это положение. Так, например, из Сталина тов. Студенников пишет, что там «не так давно группа хулиганов, в том числе и один комсомолец, встретила вечером на улице еврея. Мало того, что избила его, но еще заставила целовать им ботинки, а также сходить домой и принести папирос, — а то, смотри, еще раз попадешься». Скорее всего, что в дальнейшем такому «комсомольцу» навряд ли кто целовал ботинки, не по ботинкам, а по голове его, очевидно, прошлась метла, выкинувшая из комсомола и посадившая в более соответствующее его «царственным» наклонностям место...

И этот, неудачно выхваченный факт из множества ему подобных, говорит о том, что дело Бейраха и факты тов. Рубинова не единичны.

Несомненно также проникновение антисемитизма и в среду комсомольского актива. Много стоит одна склонность некоторой части активистов к так называемым еврейским анекдотам. А правильно писал Максим Горький, что в деле натравливания на евреев одну из крупных ролей играют как раз любители и поклонники такого сорта анекдотов.

Активист в редком случае проявит свои «горячие чувства» к евреям, он их чаще держит «в секрете».

О любопытном факте такого «секретничания» рассказывает т. Венсод из Днепропетровска. Он в своем письме спрашивает: «Какими глазами может смотреть еврейская девушка-работница на комсомол, когда секретарь ячейки, сидя с нею в саду и думая, что она русская, заявляет «по секрету», что ненавидит жидов?» Что касается глаз девушки, то не знаем, а вот что у секретаря ячейки глаза антисемита—это наверняка, и этого он долго «в секрете» не продержит... Можно представить, как этот секретарь будет проводить борьбу с антисемитизмом у себя на предприятии, а то, что таковой там имеется, доказательством служит «сам» секретарь.

В борьбе с антисемитизмом надо помнить, что последний имеется и среди некоторых активистов, молодых, не прошедших комсомольской и партийной школы, не закалившихся в ней, и поэтому прочно не застрахованных от влияния враждебных и чуждых пролетариату влияний. Действительное развертывание широкой борьбы с антисемитизмом явится для многих активистов серьезной проверкой их идеологической выдержанности и классового воспитания.

5

Если нельзя со спокойным лицом проходить мимо фактов проникновения антисемитизма в среду комсомольцев, то прямо кричать нужно, когда видишь, что он иногда просачивается еще глубже—в среду детей, **пионеров**. Вот что пишет один пионер, т. Локшин: «Я приехал в Москву и прикрепился к пионерской организации. Предполагал найти работу столичной организации очень интересной. Я ошибся. В первый же день услышал слово «жид». Но, думаю, это случайно. Ока-

залось же—нет. Почти все пионеры (я говорю только о своем отряде)—антисемиты. Еврея никогда не назовут евреем, а только жидом. Однажды поставил этот вопрос на совете отряда, но он даже не был обсужден. Вспоминаю случай на площадке, когда руководитель отправил домой пионера, якобы за драку. Потом же оказалось, что ребята сами его поколотили, после чего хвастались: «Досталось же от нас «Янкелю».

Не менее яркую картину антисемитизма среди пионеров описывает в «Комсомольской Правде» тов. Илья Лин в фельетоне «Пионер на колокольне». В отряде пионеров фабрики «Красный Поставщик» находилась пионерка-комсомолка Файкина—еврейка, дочь кустика, девушка развитая, «с широким горизонтом». «Когда отряд выехал в лагерь, началась травля Файкиной, травля, достойная царства пана Пилсудского, румынского, но только не пионерского отряда.

В один из дней Файкиной задают такой вопрос:

— А правда ли, что евреи пьют на Пасху русскую кровь?

— А почему все евреи лезут в лучшие места и живут лучше русских?

Может быть, вы скажете, что этот вопрос из серии наивных? Может быть, вы отнесете это к серии «любопытства и любознательности»?

Ну, а как назвать такой случай, когда дежурная подает чай, и с места раздается:

— Что вы нас жидовским чаем поите?..

— Хе-хе, жидовский чай...

Вначале Файкина пыталась растолковать, но когда стало невмоготу, она решила уехать из отряда.

Оказалось, отъезд ее из лагеря стал чуть ли не «престольным праздником» для части отряда.

Несколько ребят даже взобрались на колокольню и молились. Однако, молитва не дошла, а Файкина благополучно вернулась.

Более месяца отряд живет отравленной атмосферой, и никто не удосужился поговорить, выяснить, освежить душный, спертый воздух, кишачий миазмами темного былого...

Не сделал этого ни первый вожатый—Бидуля, ни второй—Соколов.

Хватит фактов. Пусть перед нами только эти два случая, но они вопиют о калечении, духовном уродстве детей, пионеров. И с этого, следовательно, участка, с участка «смены смене» просачивается антисемитизм. Конечно, во всем этом прежде и раньше всего сказывается влияние старой заскорузлой семьи, не освободившейся от многих язв прошлых проклятых лет. Пионер переносит в отряд то, что ему приходится наблюдать вне своей организации. Но ведь речь идет не об неорганизованной детворе, а об организациях детского коммунистического движения, в которых пионер должен переделываться, перевоспитываться и из которых **он** должен приносить в семью новое, здоровое. А такой переделки в двух приведенных выше случаях не заметно.

В первом случае вожатый даже потакает ребятам, избившим еврея, отсылая последнего домой, во втором—со стороны вожатых все тот же «нейтралитет», означающий на деле поощрение утверждающемуся антисемитизму. Вот с чем надо бороться, вот что нельзя оставлять безнаказанным и вот что надо **предупреждать**. Отравления антисемитским ядом кого-кого, а уж детей—мы ни в коем случае допустить не можем.

Остается остановиться еще на одной разновидности антисемитов, состоящей из «недоумевающих»: «откуда, дескать, взяли, что у нас существует антисемитизм?» Вся беда «недоумевающих» в том, что у них слишком длинны «антисемитские уши»; как бы они их ни старались прятать, ничего не выходит. Второй бедой «недоумевающих» является «стандартность», трафаретность их «доводов». Распознав одного «недоумевающего», не ошибешься при встрече с другим.

В ответ на одну из своих статей об антисемитизме «Комсомольская Правда» получила письмо за 16-ю подписями, сплошь состоящее из «недоумевающих» вопросов. Письмо характерно, как образчик постановки вопроса об антисемитизме «недоумевающими». Вначале обычное: «Предупреждаем, что мы не какие-либо контр-революционеры, мы почти все комсомольцы и члены партии» (последнее проверить трудно и доказательств его не заметно). Затем следует центральное «недоумение»: «Почему так много пишут о евреях, когда по существу (!) никакого антисемитизма среди рабочих и особенно молодежи нет, да и евреев очень мало. В то же время упускают из виду более отсталые, забитые, бедные и количественно превосходящие евреев национальности, например, татары, чуваша, мордва, тюрки». Вслед за этим начинают показываться — чем дальше, тем больше — «антисемитские уши», блестяще «подтверждающие» отсутствие антисемитизма.

— Почему, — указывается в письме, — пишете, что евреям дают только землю в Крыму и худшую, если нам пишут товарищи, что евреям дали лучшую землю в Херсонском, Николаевском и др. округах?

— Почему евреев не шлют в Оренбургскую и др. северные округа?

— Почему евреи тянутся к умственному и более легкому труду и почему их нет в грузчиках, на жел. дор., в шахтах и т. д.?

— Разве не одинаковое право имеет мордва на организацию своих административных районов, о них не беспокоятся, а в то же время искусственно создают административные районы евреев?

Вопросов, подобных этим, задается не мало. Общий смысл письма ясен. Письмо, за исключением первого вопроса, ничем не отличается от обычного антисемитского письма. Нельзя упускать из вида, что послано оно в **ответ на статью**, подробно дававшую раз'яснения как раз по основным вопросам, затрагиваемым в письме,—это делает понятным все значение «вопросов», являющихся не чем иным, как попыткой **хоть немного замаскировать явный антисемитизм.**

Приславшие письмо спрашивают:

— Разве есть у нас антисемиты?

Посмотрите, дорогие друзья, в зеркало, там вы увидите их явное отражение.

«Недоумевающие», заявляющие, что антисемитизма не существует, что весь шум по поводу его—впустую,—это осторожные, по большей части **убежденные** антисемиты. Они-то прекрасно знают о том, что есть евреи не только капиталисты, но и труженики, бедняки, рабочие, что советская власть помогает всем ранее угнетавшимся национальностям, что и у тюрков, и у татар, и у башкир и др. есть не только свои административные центры, но и целые республики и т. д. и т. д. Что им до этого? Им важно одно: ложью и клеветой натравить трудящихся одной национальности на

трудящихся другой. Старая цель врагов рабочего класса. «Недоумевающие» не прочь выдвинуть лозунг о «северных губерниях». Не предложат ли они для евреев прямо... Камчатку, она посевнее других мест? Не «вынырнет» ли у них после этого более боевой лозунг: «громи!»?

Основные, сознательные массы трудящихся против натравливания национальностей друг на друга, против, в том числе, и антисемитизма, вот почему появляется шкура «недоумения». Маскировкой думают наши враги обмануть честных тружеников. Это им не удастся. Мы сумеем различить своих врагов, как бы они ни хитрили, как бы ни прятали свои искошенные классовой злобой морды.

III. ВРАГ С КРЕСТОМ И МОЛИТВОЮ

Враг, сильный своей организованностью. — „Высокие покровители“ сектантства и состав его руководящих кадров. — „Идейное перевооружение“ религии. — Вопрос о молодежи — для религии вопрос жизни и смерти. — Комсомолец в роли чтеца евангелия. — Сектантская конфетка. — Борьба за семью. — Нужна быстрая мобилизация сил на антирелигиозный фронт.

1

Враг с крестом и молитвой не менее опасен, чем враг-шептун, в каждом углу натравливающий на евреев. Враг с крестом — и без одного также, но с молитвой обязательно — тесный, ближайший союзник антисемитизма. Иначе и быть не может, ибо у обоих у них — одна почва, на которой они процветают: темнота и невежество. Иначе и быть не может потому еще, что оба они — враги, борющиеся с пролетарской идеологией, с рабочим движением. Оба они имеют одну цель: **внести в среду трудящихся разлад, разногласицу, отвлечь трудящихся от классовой борьбы.**

Но, несмотря на то, что эти враги «работают» часто рука об руку, различие между ними большое, и его надо непременно видеть для того, чтобы успешнее вести борьбу как с одним, так и с другим врагом.

Антисемитизм — распылен, разрознен; антисемит — в большинстве случаев «одиночка», ведет свою «работу» «в индивидуальном порядке». Не то враг с крестом и молитвою. Он, прежде всего, **оформлен** и оформлен **организационно**. У него свои «низовые ячейки» — церковные, сектантские общины, у него руководящие кадры, у него разветвленный аппарат, с агитаторами, проповедниками, инструкторами, у него — свои съезды, объединения в крупном, даже международном масштабе. У нас, к сожалению, мало знакомы с этой стороной нашего врага. А именно ею он силен.

«Божественный» враг многочислен, разнообразен. Здесь и православная церковь, с «живыми» и «мертвыми» внутри себя; здесь и магометанство; здесь и самые разноликие секты. Несмотря на вражду друг с другом, которая отчасти подрывает их силы, они в своей общей «установке» едины, едины в распространении того «опиума», о котором у нас знает каждый пионер, но с которым, к сожалению, далеко не всякий, осознавший его вред, считает необходимым вести организованную борьбу.

Из всех этих многочисленных «божественных» врагов наиболее сильным является сектантство. Оно имеет таких «высоких покровителей», хорошо знакомых трудящимся СССР, как Рокфеллер, Форд, Ллойд-Джордж, Кулидж. Высокие покровители поддерживают сектантское движение не только «морально», но и более существенным и материальным образом: золотом. На их деньги ведется религиозная агитация и пропаганда, при помощи их золота распространяется «опиум для народа». Уже этого одного достаточно для того, чтобы увидеть, какая классовая сила скрывается за «бесклассовыми» проповедями о мире и братстве, ка-

кова классовая основа у религиозного движения. Это движение руководится прямыми, безусловными классовыми врагами рабочего класса, советской власти, коммунизма.

Форд, Рокфеллер, Ллойд-Джордж, Кулидж — в «международном масштабе». А внутри нашей страны? М. Костеловская в «Правде» (19 июня 1927 г.) дает такой ответ:

«Головка сектантства, оперирующая у нас в СССР, представляет собою целый букет «бывших»: крупных купцов, владельцев паровых мельниц, офицерства, чиновничества, выходцев из различных политических партий. Например, во главе всесоюзного объединения баптистов стоит Н. В. Одинцов, бывший владелец ассенизационного обоза в Саратове, а его предшественником был бывший крупный помещик Мазаев (2.000 десятин земли и лесу в Ишимском уезде), владелец паровых мельниц в Петропавловске, по сообщениям печати, поровнийший при Колчаке крестьян за самовольный покос мазаевских лугов; заместитель председателя, он же и заведующий «отделом благовестия», т.-е. всесоюзным баптистским «агитпропом» — Клышников, бывший эсер. В составе совета союза баптистов состоит купец Голяев, бывший владелец паровых мельниц в Балашове. Во главе московских евангелистов стоит Ф. Савельев, бывший владелец макаронно-кондитерских фабрик на Щипке. Редактором-издателем баптистского издательства «Слово Истины» является Т. В. Павлов, сын тифлисского купца, бывший меньшевик. Секретарем каспийского объединения адвентистов состоит бывший генерал-майор Нестеровский; руководитель общины евангелистов в Смоленской губ. — бывший штабс-капитан Томашевский; пресвитер баптистской

общины Тамбовской губ.—бывший жандарм Сухарев, в г. Ейске активным деятелем баптистов состоит штаб-ротмистр Тараскин; пресвитером пятидесятников в Витебском округе состоит бывший городской Дубровский, и т. д.».

Не правда ли, яркая и полная характеристика «руководящих кадров» сектантского движения? Ярче не может быть. Состав руководителей вполне социально «выдержан»... Эти подлинные отбросы советского общества—бывшие помещики, урядники, жандармы, городовые—не спроста руководят сектантством, не спроста занимаются «спасением душ».

Отсюда нельзя, безусловно, притти к заключению, что каждый сектант, каждый религиозно настроенный человек—наш классовый враг. Думать так, значило бы не видеть фактов, во-первых, и запутывать борьбу с религией—во-вторых. Религиозное движение руководится кулачем, Фордами и им подобными—это так, но религиозное движение охватывает значительные слои бедноты, трудящихся крестьян, а кое-где и отдельные группы рабочих, оказавшихся жертвами своих классовых врагов. Известны случаи, когда на некоторых предприятиях рабочие собирали тысячи рублей на ремонт церкви, отказывались работать в церковные праздники, потому что «молиться надо». Нам необходимо видеть эти жертвы религиозного дурмана, которые вовсе не являются контр-революционерами, как ими являются их «высокие» покровители.

2

Развитию религиозного движения, сохранению в его рядах трудящихся, а частично даже рабочих, во

многим, несомненно, способствовало **«идейное перевооружение» религии.** «Переворужение» это внешнее, так сказать, «липовое», ибо действительное перевооружение религии может означать лишь только разоружение, полное уничтожение ее. Но все же это «переворужение» сыграло известную роль. В первые годы революции открыто выступало реакционное лицо религии, настолько открыто, что каждый честный, даже темный, отсталый трудящийся не мог не отшатнуться в сторону от своих «спасителей», ибо явная, непримиримая враждебность религии революции была ясна.

Тогда «спасители» пошли по пути «примирения» религии с советской властью и ее коммунистическими целями. Внешне это прожженным эксплуататорам невежества отчасти удалось.

Во многих церквях в 1924 году служились панихиды... по Ленину; говорят, что скоро попы будут провозглашать (если уже не провозглашают) «многие лета»... советской власти. Дальше всех идут сектанты, как наиболее изворотливые и хитрые. Они чуть не в один голос объявляют Христа «первым коммунистом», не прочь давать своим общинам «коммунистические названия»; баптисты сочли возможным для себя служить в Красной армии, и т. д. Не отстают и муллы: есть факты, когда они заявляют, что коран малость устарел, что необходимо «раскрепощение женщины», а поэтому предоставляют последним право посещать мечети. В погоне за «паствой» наши враги прибегают ко всяческим уловкам, стараясь затушевать в глазах трудящихся непримиримость религии и революции, диктатуры пролетариата, коммунизма.

Все это «переворужение», вне всякого сомнения, не отразилось на основных «принципах» религии.

В своих проповедях попы, муллы, сектанты сделали лишь более ловкими, выкинули из употребления **явно** враждебные слова против советской власти, но даже призывая к поддержке последней, они попрежнему— иначе и быть не могло—ратуют за никчемность, ненужность, бесцельность грешных земных дел (в том числе, конечно, и революционной борьбы), за смиренность (перед эксплуататорами) и пр. Как сообщают с мест, редкие сектантские собрания происходят без антисемитской агитации. «Все плохое пошло от народа Израилева, отвергшего и предавшего Христа»—таков излюбленный мотив поповщины и прочего мракобесия во всех его видах и оттенках. Так что, как видим, «идейное перевооружение» религии надо понимать как весьма условное.

Переворужение коснулось также **методов религиозной «работы»**. Методы наших врагов заслуживают наиболее пристального внимания, потому что ими проводится не только усиление распространения религиозного дурмана, но и по существу дела прямая организация сил, противодействующих развитию кооперации, деятельности пролетарского государства по социалистической переделке деревни.

Такие факты, как приглашение на церковные служения певцов из Москвы, звучат, как веселый анекдот, хотя и мимо них нельзя пройти, так как церковь начинает состязаться с общественными организациями, в частности—комсомолом, по части «оживления рабс-ты». Тов. Строгова в весьма интересной корреспонденции в «Комсомольской Правде» (1927 г. № 249) сообщает:

«Обновленцы в Перми серьезно просили, чтобы им разрешили устроить в церкви кружок политграмоты,

где бы они читали о социалистическом строительстве и индустриализации. Мусульманский центр в Перми запретил своим мусульманам по округу делать пожертвования в фонд «Наш ответ Чемберлену» по месту работы. Муллы организовали свой собственный сбор в тот же фонд, но только по мечетям, и уже потом сами передали собранное в «Наш ответ».

В этих фактах изменение «методов» неразрывно связано, непосредственно вытекает из произведенного «идейного перевооружения». «Оживление» не мешает попам, муллам, сектантам широко пользоваться и старыми своими методами—запугиванием, запугиванием адскими муками, проклятиями и т. п. Но поворот к «оживлению» методов несомненен.

И здесь опять особенно, прямо до удивления, усердствуют в ловкости и приспособляемости сектанты. Они проводят свои кампании, приурочиваемые к нашим общественным. У нас—день работниц, у них—«день сестер»; у нас—международный юношеский день, у них—«день юношей»; у нас—«день урожая», у них—тоже такой день или «день жатвы». Проводятся и длительные кампании, как например, «неделя евангелизма» (не к неделе ли обороны была приурочена эта кампания?). Тов. Строгова пишет, что на Урале на этот раз муллы додумались до организации «шефства над деревней». Группы «городского актива», специально организованные и соответствующим образом подготовленные, выезжают «для подкрепления веры» в деревни.

Сектанты посредством своих «женотделов» ведут специальную работу среди женщин—создают свои школы кройки и шитья. Все эти ухищрения свидетельствуют не только о том, что для «улавливания душ» надо тратить теперь неизмеримо больше сил, но и о

ловкости наших врагов, использующих, часто очень умело, опыт работы общественных пролетарских организаций.

Дело, как мы указывали, не ограничивается анекдотическими фактами приглашения певцов и организацией политкружков. Серьезнее факты экономической деятельности религиозников. В Татарской Республике, например, муллы приобретают сепараторы, организуют свои машинные «товарищества» (в которых членами состоят они одни), зажимают в свой кулак бедноту и середняков. Монахи и монашенки принимаются кое-где за агропропаганду.

В экономической деятельности особенно преуспевают все те же сектанты. У них—кооперативы, артели, коммуны и другие виды хозяйственного объединения **в противовес системе советской кооперации.** В этих хозяйственных сектантских объединениях господами положения являются кулаки, под флагом «братства» эксплуатирующие бедноту, христовым именем закабаляющие ее.

К такой же «хозяйственной деятельности» относится широко практикующаяся у сектантов «взаимопомощь». Чего она стоит, кто от нее оказывается в выгоде—это описывается в упоминавшейся уже корреспонденции т. Строговой («Комс. Правда»).

«— Они добрые,—сказал мне мальчик на Мотовилихе про евангелистов.—Я был без работы, они меня подобрали, приютили, дали лошадь и устроили на завод. Я от них никогда не уйду и перешел в их веру.

— Что ж, они лошадь-то совсем тебе, что ли, подарили?

— Нет, я на ней вожу дрова вечером, как отрабатываю на заводе.

— На кого же ты возишь дрова?

— А у кого живу, на того и вожу,—сказал мальчик, вдруг насторожившись. Помолчал и продолжал:—Они добрые, они в деревнях овец раздают, в хозяйстве помогают. У нас хорошо живут, артельно. Один старшой наш строился, так ему много народу помогало...

Этот «старшой»—богатый мужик—строил дом бесплатными рабочими руками, руками «братьев»-сектантов, которые победнее, так что даже пришлось в эту братскую идиллию вмешиваться с милицией.

Впрочем, евангелисты, действительно, помогают и раздают овец и коров: отвлеченным-то идеям по нынешним временам плохо верят».

Деньги за скот берутся от хорошо знакомых нам «бессребренников»—Рокфеллеров и Фордов. Мы не знаем, насколько эта помощь зарубежных капиталистов безвозмездна (они-то денег понапрасну не разбрасывают!), но то, что они закабаляют бедноту, в этом сомневаться не приходится.

3

Попы, муллы, сектанты ведут яростную борьбу за умы и сердца трудящихся. Ни в какой другой области нельзя так отчетливо увидеть борьбу наших врагов за людские кадры. Нигде наши враги теперь так не организованы, как здесь. С полнейшей отчетливостью видна и **борьба религии за молодежь**. Религиозное движение «жалует» молодежь своим вниманием особенно усиленно. Никто из наших врагов не ведет такой упорной настойчивой борьбы за подрастающие кадры, как религия. Объяснение этому в том, что молодежь Советской страны, растущая в революционную эпоху, не отягощенная религиозными предрассудками, с малых лет

воспитывается в значительной своей массе в безбожном духе. Если она не попадет под влияние религии, значит дни религии сочтены, так как прекратится пополнение кадров религиозных движений. **Вопрос о молодежи для религии является подлинно вопросом жизни и смерти.** Перспектива полной утраты влияния над подрастающими поколениями **в целом**—перед религией встает как грозная перспектива, имеющая весьма твердую почву. Вот почему многочисленны формы и методы религии в «уловлении» «юных душ» молодежи.

«Руководы» церкви и сектантского движения озабочены работой среди молодежи. Молодежи уделяется значительное место в религиозной печати. На закавказском съезде молокан одним из центральных вопросов повестки дня ставится вопрос о молодежи. Вынесенная резолюция предусматривает создание «для воспитания» молодняка целой сети специальных кружков. В большом количестве мест такие религиозные кружки молодежи создаются, в них проводятся, регулярные собрания. Кружки проводят работу по вербовке новых членов.

Принимаются решения о необходимости влияния на молодежь через родителей, в первую очередь через матерей. Особенно настойчивы попытки организации целых религиозных союзов молодежи. То там, то здесь баптисты пробуют создать низовые организации таких союзов, так называемые «христомолы», «бапсомолы». Эти попытки навряд ли можно объяснять «инициативой снизу». В этом отношении, должно быть, существует «генеральная директива» «сверху». «Вожди» религиозного движения, очевидно, приходят в зависть от «успехов» своих зарубежных соратников, стараются пойти по стопам своих «братьев», создавших и под-

держивающих в капиталистических странах движения «христианских молодых людей», католической молодежи и т. д. Развитие этих движений, если бы они прививались у нас в стране, означало бы создание и развитие политических организаций молодежи, классово враждебных комсомолу и рабочему классу. Вот к чему гнут религиозники, вот чего они добиваются работой среди молодежи.

Попытки создания религиозных юношеских организаций мало успешны,—большинство начинаний в этом отношении терпит в самый короткий срок крах. Но не обращать внимания на эти **упорные** попытки было бы невозможной и преступной беспечностью. Несмотря на провал в большинстве случаев своих организационных мероприятий, религия имеет влияние все же на значительные слои молодежи, в первую очередь деревенской. Комсомол стоит перед лицом своего врага, борющегося в противовес ему за молодежь. Побороть этого врага можно только длительной, глубокой работой, давая ему отпор по всем тем линиям, по которым он ведет свое наступление. Борьба с религией—это прежде всего борьба с религиозной «идеологией», религиозным дурманом.

Но наша задача не только в этом. Мы видели, как развернута деятельность хотя бы тех же самых сектантов. Дать им отпор, побить их одной борьбой с религиозным дурманом нельзя. Здесь нужно усиление и улучшение всей нашей работы, в том числе и культурной, и бытовой, и работы среди девушек, а также и хозяйственной. Освободить «душу» бедняка от религиозных пут, в условиях широко развернутой и разнообразной деятельности церкви и сектантов—недостаточно. **Нужна борьба и за «грешные тела» бедноты,**

попадающей в лапы кулаков, «братьев во Христе». Кабальной «взаимопомощи», «кредитам» Рокфеллеров и Фордов, «братским» хозяйственным об'единениям надо противопоставить развитие подлинной крестьянской взаимопомощи, улучшение советской кредитной системы, улучшение работы кооперации во всех ее видах.

4

Религиозные влияния захватывают не только беспартийную молодежь, но иногда и комсомольцев. Сколько-нибудь значительного распространения религиозности среди комсомольцев, правда, нет, но все же бывают, хотя и в виде редкого исключения, такие факты, как вхождение секретаря комсомольской организации в баптистскую организацию. На примере комсомольцев, одурманившихся «опиумом», можно проследить — чем берет религия молодежь, что здесь у нашего врага существует специфически привлекательного для молодежи, чем он конкурирует в работе среди молодежи с комсомолом.

Перед нами—целое «дело» об одном комсомольце, вольно или невольно—это увидим дальше—отошедшем от нашего союза и попавшем под влияние религии. Комсомолец этот, из Барнаульского округа, был активным общественным и комсомольским деревенским работником: селькором, избачом, пионер-вожатым, сотрудником статбюро и членом ревкомиссии потребительского общества (все это одновременно). Раньше являлся секретарем ячейки не в какой-либо глухой, заброшенной деревушке, а в крупном селе, где 350 дворов, где существует партийная ячейка.

Курбатов (фамилия комсомольца) стал сближаться с различными «старцами» и кончил регулярным посещением церкви и чтением в ней евангелия. Когда его привлекли к союзной ответственности, он в своем объяснении так обрисовал процесс отхода от комсомола к церкви: «Во время бесед с местными евангелистами в мое понятие вкралась «чистая религия», т.-е. то, что та религия, которая существует сейчас, исковеркана духовенством с целью наживы, в действительности же евангелие—это социализм, который проповедывал Иисус Христос. Мой взгляд на религию таков, что я признаю, что у нас идет новая религия, ведя борьбу со старой»... «Не только я один, но вся ячейка комсомольская у нас посещает церковь, так как там больше заманчивого и декорация облита золотом, можно петь в хоре, миролюбивое такое настроение присутствующих. Вообще мы не знаем, к чему приложить руки. Мы очень хорошо понимаем, что все это (клубы, разумные развлечения и т. д.)—хорошая вещь, но проводить их в жизнь у нас нет сил и не умеем». «За чтение евангелия в церкви извините, а что ходил в церковь—в этом я за собою вины не чувствую, в ней нахожу театр и наслаждение для себя».

Об этой истории с комсомольцем Курбатовым в «Комс. Правде» был напечатан фельетон т. Чарова. Курбатов откликнулся на фельетон длинным письмом в редакцию, в котором повторяет главные моменты своего «объяснения». В письме он пишет: «Я ходил в церковь не для вовлечения в нее молодежи, а для изучения и для проведения свободного времени».

Во всех этих объяснениях Курбатова много неверного и неискреннего, идущего от желания сохранить комсомольский билет. Активный общественный работ-

ник, с массою обязанностей, не тратит своего свободного времени (которого у него крайне мало) на «изучение» церковных служб. На Курбатова повлияло то «идейное перевооружение» («евангелие—социализм»), о котором шла речь выше. Но в подчеркнутых нами местах «объяснения» Курбатова много верного, заслуживающего внимания, показывающего, каких моментов нельзя упускать в борьбе с влиянием церкви на молодежь. В том же «деле Курбатова» имеется информация райкома о положении ячейки, в которой состоял Курбатов. Чем занималась ячейка? Повестки дня ее собраний состоят из таких вопросов: утверждение протокола заседания бюро, рассмотрение заявлений, разное—и так из одного союзного дня в другой. **Ни одного живого, интересующего молодежь вопроса.** А рядом с ячейкой—церковь, в которой «декорация облита золотом, можно петь в хору», в которой если и не «наслаждение для себя», как пишет Курбатов, то во всяком случае—там все же больше разнообразия, чем на заседании с разбором заявлений и утверждением протоколов бюро. В данном случае можно сказать, что во влиянии на молодежь не церковь выиграла, а комсомольская ячейка проиграла. **Проиграла без боя.**

Церковь в наступление не шла, боя не давала,—на этом основании некоторые скажут, что ячейке бороться как будто не с чем было. Да, церковь прямого боя не давала, она действовала исподтишка, тихою сапою—незаметными и мирными такими беседами «старцев». Ячейка должна была «принять бой», не в виде ответа на прямую атаку церкви на молодежь, а в виде противопоставления своей работы золотым иконостасам, церковным хорам—всем тем сторонам церкви, ко-

торые делают ее для еще значительных слоев молодежи «театром», «наслаждением для себя».

Церковь не давала боя комсомольской ячейке, а что было бы, если такой бой был дан? Возможно, что церковь тогда приобрела бы не одного нового «чтеца» из среды крестьянской молодежи.

Бои же церковь и сектанты дают комсомолу, особенно по линии методов работы, довольно часто. В работе среди девушек в некоторых местах сектанты конкурируют с комсомолом.... конфетой. Организовывая беседы с девушками, они привлекают последних конфетами и прочими сладостями. Конфетой, которая сама по себе отчасти свидетельствует об убогости арсенала наших врагов, дело не ограничивается. **Она—зацепка для развертывания целой системы сектантской «женработы».**

В ответ на сектантскую конфетку комсомол, конечно, не выдвинет шоколадной плитки, — вопрос решается не сладостями, у комсомола найдутся—у каждой ячейки должны найтись—более содержательные и серьезные средства борьбы за крестьянскую девушку. Должны, обязаны найтись, но далеко не всегда находятся. Сплошь и рядом в деревне перед девушкой только одна сектантская конфетка, а со стороны комсомольской ячейки—ничего, пустое место, ни одного взора на работу среди девушек не обращено. Вот этим-то пустым местом с комсомольской стороны и сильна сектантская конфетка. Девушка за конфеткой не потянется, если она увидит живую, интересную для нее работу комсомольцев.

Вопрос о девушке—один из центральных вопросов в нашей борьбе с религией за деревенскую молодежь. Именно на девушку, в первую очередь, обращено вни-

мание церкви и сектантов, и именно здесь комсомол слабее, чем где-либо. Церковь и сектанты обращают особое внимание на девушку не только потому, что здесь они из-за нашей слабости больше всего рассчитывают добиться успеха, но и в целях своих **перспектив**. Получив влияние над девушкой **сегодня**, религия имеет в виду **завтра** получить новые опорные пункты в семье. Мы уже упоминали о постановлениях баптистских организаций развертывать работу через женщину-мать. Борясь за девушку, религия борется за завтрашнюю мать. Расчет, как видим, не так-то плох. Оправдается он или нет — зависит от нас, от работы комсомольских организаций.

5

Баптисты принимают решения о борьбе за семью через женщин-матерей. Мы тоже принимаем решения о борьбе за семью, о борьбе за ее переделку через детей-комсомольцев. **Борьба за семью идет с двух флангов**. Борьба эта решит очень многое, так как в старой семье корни религии особенно глубоки. Преуспеваем здесь мы больше, чем наши враги — церковь и сектанты. У нас в этой борьбе имеется такой, очень молодой, но сильно полезный, кровный союзник — пионеры. Они во многом помогают комсомольцам расшатывать религиозные устои семьи. Но это расшатывание нами проводится несколько односторонне — преимущественно больше по «идеологической» части. А мы знаем, что религия в семье сильна не только и не столько «идеологически», сколько своею **обрядностью**. Обрядность хотя и связана непосредственно с «идеологией», но в то же время она является более неподвижной стороной.

Часто бывает, что религиозная «идеология» расшатана во-всю, а религиозная обрядность не трогается с места. Многие рабочие, даже коммунисты, давно забывшие дорогу в церковь, все же так или иначе отмечают такие дни, как Рождество, Пасху. Лишь в последнее время заметны кое-какие сдвиги этой неподвижной громады. Она начинает потрясаться революционными праздниками, входящими в быт, в семьи трудящихся. На одном из московских предприятий к 10-летию Октябрьской революции был проведен конкурс на лучшее праздничное убранство рабочей квартиры. Начало полезное и сыграет свою роль в вытеснении религиозной обрядности. Комсомольцам и их союзникам-пионерам в этом деле надо стать застрельщиками.

6

Недостатка в горячих стремлениях к борьбе с религией у большинства комсомольцев нет. Но их одних мало. Прежде всего им мешает, а часто их нейтрализует отсутствие четкого представления о коммунистическом отношении к религии. Чего стоит такой, напр., факт.

На общем собрании ячейки секретарь зачитал такое заявление:

«В виду сложившегося обстоятельства меня побудило обратиться в ячейку с нижеследующим разъяснением:

Вскоре я женюсь на религиозной девушке, которую я очень люблю, я ее умолял повенчаться без религиозных обрядов, но она не согласилась, другого выхода

я не нашел, как обратиться к вам с просьбой, либо не считать меня в комсомоле на два часа, либо исключить меня навсегда.

Николай Станков

Резолюция:

Слушали: Дело Н. Станкова о разрешении ему проведения религиозных обрядов.

Постановили: В виду того, что Станков принимает активное участие во всей ячейковой работе, а также в действительности является безбожником, ячейка постановила в отношении Станкова провести исключительный случай и разрешить ему совершение религиозных обрядов.

За резолюцию—41. Против—6. Воздержались—3». (Журнал «Смена» № 21, 1927 г.).

Здесь характерен не только «ультиматум» активного комсомольца: или разрешайте венчаться в церкви, или уйду из комсомола. Характернее **отношение организации к «ультиматуму»**: выданное разрешение и особенно его **мотивировка**. Активность комсомольца расценивается как момент, предоставляющий ему заслуженное право попираť один из основных принципов политической организации молодежи. Приводится такая мотивировка, которая должна любого знакомого с комсомолом и его задачами привести к прямопротивоположным выводам, нежели те, к которым пришло бюро.

Хватает и таких фактов, когда отношение комсомольца к религии считается «частным делом». Нам надо добиться, чтобы каждый комсомолец отчетливо и до конца отдавал себе отчет в том, что так же, как он не может не быть врагом угнетения, эксплуатации тру-

дящихся, так он не может быть и заклятым врагом духовного закрепощения трудящихся религией. Взгляды на отношение комсомольцев к религии, как на «частное дело», оставляют очень мало от горячих стремлений к борьбе с религиозными влияниями

Горячим стремлениям комсомольцев мешает, далее, отсутствие **организованной** борьбы комсомола на антирелигиозном фронте. Одно время за антирелигиозную борьбу мы взялись весьма, даже слишком рьяно. Мы настолько рьяно двинулись на «штурм небес», что натворили порядочно ошибок. Несмотря на ошибки, общее значение наших «штурмов» было велико и сыграло не малую роль в расширении антирелигиозного фронта. «Штурмы небес» явились первыми **массовыми** антирелигиозными кампаниями. Но, к сожалению, «штурмами» вся антирелигиозная деятельность комсомола началась и закончилась. Ошибки при «штурмах» многими воспринялись, как мотив к прекращению антирелигиозной работы комсомола. Другие отмахнулись от нее при появлении союза безбожников: «пускай, дескать, он борется с религией, чего нам вмешиваться».

Так или иначе, но комсомола сейчас на антирелигиозном фронте нет. Хоть сколько-нибудь деятельного и организованного участия на этом фронте мы не принимаем. В союзе безбожников имеется всего-навсего около 200 тысяч членов, сколько из них комсомольцев—точно не знаем, во всяком случае немного (ведь в комсомоле—2 миллиона членов).

Без быстрой мобилизации своих сил на антирелигиозный фронт комсомол останется безоружным перед лицом сильного и организованного врага.

IV. ВРАГИ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Время сделало сердце наше
Общежитием всяких чувств.
Общежитие забито вещами,
А в углах где-то есть тайники,
Где скрываются чувства — мещане,
Чувства — буржуи,
Чувства — меньшевики.

А. Безыменский

Против „гязи старого мира“, против „силы привычки“. — Индивидуализм, мещанство, обывательщина. — Важность проблемы подчинения личных интересов интересам класса. — „Индивидуальный поросенок“ и комсомол. — Измена своему классу. — „Наплевист“ — мещанин новой формации. — Подхалимство и угодливость. — Против разврата и его защитников. — Когда коммунизм станет действительно непобедим.

1

«Рабочий никогда не был,—говорил Ленин,—отделен стеной от старого общества. У него сохранилось много традиционной психологии от капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колено в этой грязи»¹.

¹ Собр. соч., т. XVI, стр. 22.

Грязь старого мира прилипала к пролетариату в недрах капиталистического мира. Но она имеет свои источники и в условиях диктатуры рабочего класса, так как в Советской стране пролетариат не один — он окружен мелкой буржуазией, по уши погрязшей в «грязи старого мира». Кроме мелкой буржуазии у нас в стране существует и новая буржуазия, рожденная нэпом, «воссоздающая», вновь «накапливающая» эту «грязь». Мелкобуржуазная стихия, окружающая пролетариат, «новорожденная» буржуазия, существующая в стране, не держит «в себе» «грязь» своего мира, побежденного и вытесняемого окончательно рабочим классом. «Грязь старого мира» просачивается в пролетариат и теперь, она поддерживает существование той, с которой пролетариат вышел из капиталистического общества. Это-то и затрудняет борьбу за освобождение от «традиционной психологии», сохранившейся в рабочем классе в виде тяжелого наследия капиталистических времен.

От традиционной психологии, крепко осевшей, установившейся, не свободна и рабочая молодежь. Хотя молодежь и не знала капиталистического общества, но к ней грязь старого мира перешла от семьи, от старшего поколения, познавшего капиталистические «преlestи». На молодежи же, как менее закаленной части рабочего класса, сильнее сказывается и влияние мелкобуржуазной стихии.

Чем опасна для нас капиталистическая «грязь»? Тем, что она, отягощая сознание пролетариата ворохом предрассудков, старых представлений, традиций, привычек, мешает, затрудняет дело создания нового социалистического общества. Очищаясь от этой грязи, пролетариат освобождается от тяжелого груза, увели-

чивает свои творческие способности, успешнее ведет социалистическое строительство.

«Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила» (Ленин). «Сила привычки», ведущая свое начало от капиталистического рабства, является силой, мешающей пролетариату, особенно в период социалистического строительства. «Личные» привычки, «личные» свойства для пролетарской общности вовсе не пустяк, как некоторые склонны расценивать их. В «личных привычках»—большая сила, и сила, не помогающая нашему строительству, а мешающая ему, тормозящая его.

Борьба с «традиционной психологией», с «грязью старого мира», с «силою привычки является борьбою за **нового человека**, борьбою против враждебных пролетариату, классово-чуждых ему влияний. Маркс писал, что пролетариату придется переделывать свою собственную природу. Революция призвана не только по-новому устроить мир, но и создать новых людей, очистить человека от всего того, что пристало к нему, в него проникло от долгих столетий подневольного существования.

Некоторые говорят, предполагая, что являются самыми что ни на есть законченными «ортодоксами», стопроцентными марксистами: «Новый человек придет сам, сам создастся на базе нового, социалистического строя. Без новой экономики нового человека все равно не создать. Чего же, дескать, нам особенно волноваться. Придет время—и вся грязь, вся сила привычек отпадет сама собою».

Конечно, если бы мы пытались разрешать задачу создания нового человека в капиталистическом обществе, при диктатуре буржуазии, то это было бы пу-

стой, абсурдной и никоим образом не выполнимой задачей. Но ведь задача же ставится в совершенно иных условиях—при диктатуре пролетариата, в условиях строительства социалистического общества, создания новой экономики. Разве экономика у нас частью не переделана и частью не переделывается на новой, социалистической основе? Разве пролетарская революция в течение десяти лет не внесла и не вносит в нее коренных изменений? Конечно, да. Отрицать это перестают даже наши враги. Вот эти-то коренные изменения в экономическом строе нашей страны уже создали **все расширяющуюся** базу для переделки людских кадров, для создания нового человека.

Рассуждения «ортодоксов»—это ожидание «маны», падающей с неба, это отлынивание от крупнейшей и настоящей задачи, оправдание бездельников, сидящих сложа руки и ждущих, что все к ним придет «само собой». В этих рассуждениях—полное отрицание необходимости добавочных усилий для установления новых отношений, нового порядка вещей. Такие «ортодоксы», логически рассуждая, придут к отрицанию революции: «капитализм вызреет», после чего «отомрет», и без борьбы, без крови коммунистическое солнце воссияет над грешною землею»,— придут к чисто меньшевистским взглядам. В том-то и дело, что старое, как бы прогнившим оно ни было, без борьбы, самой отчаянной, не на жизнь, а на смерть, не сдается, не исчезает и не «отмирает», а всячески сопротивляется и мешает пробиваться росткам нового, заглушает их. К силе привычки, к «традиционной психологии» это положение относится в первую очередь, ибо они наиболее неподвижны, наименее поддающиеся изменению, переделке, сильнее всего в своем «отмира-

нии» отстающие от исчезновения экономических корней, их питающих. Добавочные усилия, самые упорные и настойчивые, здесь во много раз нужнее, чем где бы то ни было.

Конечно, в победоносном ходе революции—в гражданской войне, ожесточенных классовых битвах с буржуазией, в процессе социалистической стройки пролетариат переделывает свою природу, очищается от грязи старого мира. Но темп этой переделки должен быть усилен **борьбою** за нового человека.

Рабочая молодежь, растущая и воспитывающаяся в условиях диктатуры пролетариата, молодежь, которая «не знала городского», меньше имеет на себе старой «грязи», у ней не так крепка «сила привычки», но в то же время на молодежь, как мы уже указывали, сильнее, чем на взрослую часть рабочего класса, оказывает влияние барахтающаяся в «грязи» мелкобуржуазная стихия; наименее устойчивые прослойки молодежи иногда в своих привычках начинают «подражать» буржуазии, «подражать» такой дребедени, как Гарри Пиль и Мэри Пикфорд. И здесь новый человек не придет без борьбы за него, без борьбы против чуждых пролетариату влияний на молодежь.

Смотреть на вещи так, что новый человек придет в результате создания новой экономики, значит смутно видеть только одну сторону вопроса и вовсе не замечать другой, крайне существенной. Создающаяся новая экономика не только создает нового человека, но и она сама для своего укрепления и дальнейшего развития требует новых людских кадров, освобожденных от силы привычек рабского прошлого. Это взаимодействие нужно отчетливо уяснить, чтобы понять правильную постановку задачи создания нового человека.

Интересы социалистического строительства настойчиво требуют создания нового человека. Чем дальше, тем больше социалистическому строительству **до-зарезу** нужен будет этот новый человек.

2

Где гнездятся традиционная психология, грязь старого мира и сила привычки—эти главные враги нового человека? Они находятся прежде всего в быту и отношении к производству, к труду вообще.

Бытовым вопросам уделяется столько внимания в последнее время не зря. Дело не только в том, что молодежь, вступающая на жизненный путь, стремится устроить свой быт более светлым, менее тяжелым, чем он был у ее отцов и матерей. Дело еще и в том, что старый быт находится в вопиющем противоречии с задачами социалистического строительства и, в частности, с задачей создания нового человека, потребного этому строительству. Именно в быту больше, чем где-либо, старой грязи—врагов нового человека. Бытовые вопросы представляют для нас исключительную важность потому, что в быту сосредоточены многие из тех условий, которые оказывают решающее значение на формирование человека, во многом определяют его «закваску». Борьба за нового человека без напряженного, самого пристального внимания к быту, без переделки быта—пустое дело.

На вопросах **производственного воспитания**, которым уделяется тоже большое внимание, яснее всего можно увидеть прямую связь задачи создания нового человека с нуждами не завтрашнего, а **сегодняшнего** дня, с насущными требованиями текущей полосы стро-

ительства нового общества. Как дальше увидим, в отношении к производству, к труду у нас продолжает сохраняться «сила привычки», «традиционная психология». Эта сила и эта психология во многом затрудняют успешность дальнейшего развития социалистической промышленности, и, конечно, оставляя их в покое, нового человека не создать, ибо они прямые и ярые враги его. Производственное воспитание молодежи означает прежде всего выработку коммунистического отношения к труду,—а это и является самой существенной чертой нового человека.

Быт и отношение к производству—таковы главнейшие области, в которых раньше всего должна пойти борьба за нового человека, борьба со всей гнилью, унаследованной нами от капиталистического общества.

Что представляют собою главные враги нового человека? Индивидуализм, мещанство, обывательщину, чиновничество, бюрократизм, бытовую распущенность, хамское отношение к человеку—товарищу по классу, борьбе и политической организации, несознательное отношение к труду, отсутствие трудовой культуры. Таковы «конкретные носители зла» традиционной психологии, таковы проявления враждебных новому человеку сил. В упорной борьбе с ними, в их преодолении и полном изгнании будет идти создание новых людских кадров.

3

Индивидуализм, мещанство, обывательщина—одна общая группа враждебных нам сил. Различие между ними если и есть, то только внешнее. Мещанин не всегда, а среди молодежи и вовсе не всегда, на первый

взгляд кажется индивидуалистом, замкнувшимся в себя, кроме своей канарейки и кисейной занавесочки на окнах, ничего не желающим знать. Иногда он выступает как «коллективист»—ни минуты не может провести вне компании своих товарищей. Нужды нет, что этот «коллективизм» весьма похож на «коллективизм» постоянно судачащих и сплетничающих кумушек...

Но какие бы маски не надевал на себя мещанин и обыватель, нутро его всегда составляет индивидуализм. Его лозунги—«миру провалиться, а мне чаю напиться»; «после меня хоть потоп», «моя хата с краю». Его лозунги—это лозунги своего «я», лозунги забвения общеклассовых интересов. **Антиобщественность — отличительная черта мещанина и обывателя.**

Мещанство—модное словечко в комсомоле. Им швыряются направо и налево, не вникая в его содержание. «Мещанство»—сплошь и рядом несется навстречу девушке, попудрившейся, надевшей хорошие ботинки, не дающей «лапать» себя разудалому бесшабашному «коллективисту»; «мещанство» — сплошь и рядом несется навстречу парню, повязавшему галстук, опрятно одевшемуся, переставшему фонтаном извергать на окружающих матерную ругань; «мещанство» приклеивается весьма часто и к другим здоровым и нужным вещам—чистой комнате, запрещению разваливаться на чужой постели, а иногда даже этот ярлычек наклеивают... на регулярное хождение в баню и на многое другое, являющееся не мещанством, а элементарными культурными навыками. Злоупотребления ярлыком «мещанство» общеизвестны. Они достаточно уже разоблачены перед лицом молодежи, хотя и далеко не вывелись еще окончательно. Очень часто бывает, что любители кстати и некстати—последнее

чаще, чем первое—все клеймить мещанством, обманывая окружающих своей натурой «рубахи-парня», оказываются стопроцентными мещанами, так сказать, «новой формации». Дело не во мнешности, хотя и тут есть, конечно, известные пределы. Коммунистка и комсомолка с серьгами в ушах, или коммунист и комсомолец с кольцами на руках—весьма странные явления. Но окрещивать «мещанством» пудру и галстук—значит не видеть мещанства всамделишного, не понимать, что оно представляет по своей сущности.

Мещанством является выдвигание на первый план своих личных интересов, равнодушное отношение к интересам своего класса, забвение их и прямая измена им.

Перед комсомолом в свое время встала проблема—она стоит и теперь еще, окончательно не разрешенная—увязка личных интересов молодежи с общеклассовыми, общепролетарскими интересами, проблема подчинения первых последним. Эта проблема вполне правильно была поставлена, как центральная во всей работе комсомола. Многие личные интересы в основе своей здоровы, нормальны и во многом совпадают с интересами класса в целом. Стремления получить квалификацию, стать более грамотным и культурным, определить свое место в производстве и жизни—законные стремления рабочего подростка. При правильном удовлетворении их они не только не противоречат интересам пролетариата, а идут в его пользу. Но и здесь не все сводится к активному балансу «само-собой». Задача **подчинения** этих, в основе своей здоровых, личных интересов молодежи интересам всего класса имеет первостепенное значение. Говоря о личных интересах молодежи, XIV партийный съезд в своей резолю-

ции предупреждал: «Одно голое развязывание данной стихии неизбежно приведет к разрыву между отдельными группами рабочих и всем классом в целом, между отдельным рабочим и рабочим государством, оно неизбежно **разовьет мещанский индивидуализм в рабочем классе**¹ и затруднит дело социалистического строительства».

Здесь дано прямое указание на то, что выпирание, развязывание личных стремлений, неподчинение их общеклассовым интересам неизбежно **перерастет** в мещанский индивидуализм. Это относится даже к тем личным стремлениям, которые в основе своей **здоровы**, совпадают с интересами социалистического строительства.

Если можно сказать, что очень многие личные желания молодежи здоровы, нормальны, хотя многие из них в своем голом развязывании быстро перерастают в мещанский индивидуализм, то нормальность некоторых и вообще-то является не вполне и не всегда безусловной.

Утеря связи личных интересов с классовыми, вытеснение первыми вторых, когда коллектив, класс отступают на последнее место, а то и вовсе исчезают—такова сущность мещанского индивидуализма. Вовсе не обязательно, чтобы под «мещанской» (по мнению «рубаш-парней») внешностью ютилось мещанство. Под «мещанскою» внешностью скрывается мещанство лишь тогда, когда ее обладатель или обладательница **отгораживаются галстуком или шелковыми чулками от общественности, к ним сводят все свои устремления, из-за них предают забвению интересы своего класса.**

¹ Курсив мой.—И. Б.

Проявления мещанского индивидуализма в среде молодежи весьма разнообразны, их можно проследить и на крупных явлениях и на мелочах. Возьмем такой вопрос, как **дисциплину** в комсомоле. У нас есть такие «странные» ячейки, где этот вопрос регулярно появляется на повестках дня собраний. Досужие люди ломают перья над планами «поднятия», «укрепления» дисциплины, вырабатывают целые программы на этот счет. Программы обсуждаются, принимаются и... не выполняются. Начинается все дело снова. Во многих местах бьются над укреплением дисциплины среди актива, для которого этот вопрос имеет особо крупную важность. Установление четкости, действительной, а не только одной бумажной плановости в работе, организация учебы не удастся нашему активу прежде всего из-за отсутствия надлежащей дисциплины, самодисциплины в первую очередь.

В чем же причина бед с дисциплиной? В проникновении в часть комсомола и его актива мещанского индивидуализма, в выдвигании на первое место своих личных забот и интересов, в вытеснении ими общественных обязанностей. «Работа не волк, в лес не убежит» — эта пословица применяется, главным образом, по отношению к общественной работе, к общественному делу. Если внимательно разобрать случаи недисциплинированности, то в основе их всегда найдешь проявление мещанского индивидуализма. Вот парочка примеров. Первый приводит из жизни Новороссийской железнодорожной ячейки юнкор М. Бор.:

«Женился политпросвет ячейки Полянский. Перестал бывать на бюро, на собраниях, отговариваясь тем,

что будто бы его молодая жена обварила себе кипятком ноги и ему самому приходится бегать с корзиночкой на базар, готовить завтрак, обед и ужин. Полянский основательно завяз в своем хозяйстве, приобрел поросят, а о комсомольской работе и думать перестал.

На расспросы ребят—почему перестал посещать ячейку—огрызнулся:

— Это не ваше дело. Ставьте обо мне вопрос на бюро, а каждому встречному и поперечному я отвечать не намерен.

— Ты стал заядлым мещанином.

— Я это давно знаю.

А когда бюро за такое отношение к работе вынесло ему строгий выговор и вывело из своего состава, Полянский неоднократно останавливал секретаря ячейки:

— Когда билет можно сдать? Я хоть сейчас готов. Хочешь?

После, обдумав, Полянский решил обставить свой уход более «эффектно», прикрыв его «неправильностью линии бюро». Полянский пишет в бюро ультимативное заявление, в котором постановление бюро по отношению к нему называет головотяпством и требует:

— Снимите с меня свой нелепый выговор или я уйду из комсомола.

Корзинка для провизии и поросят, которыми обзавелся политпросвет ячейки, явились сначала причиной его недисциплинированности (какие же тут заседания, когда поросенка кормить надо!), а затем и полного отхода от комсомола. Мещанский индивидуализм показан здесь в полном развитии, «индивидуальный поросенок» победил комсомольца, превратил его в законченного мещанина.

Другой пример более «будничен», из «быта» актива ячейки Шаболовского пивоваренного завода. Сообщает его юнкор Иванчук:

«Последнее собрание ячейки было три месяца назад. Секретарь ячейки созывает заседание бюро, а члены бюро заявляют: один—у меня заседание санкомиссии при райсовете, другой—у меня учеба и т. д. А потом оказывается, что вместо санкомиссии, учебы—просидели в безделии дома».

Навряд ли мы ошибемся, если скажем, что в санкомиссии, в кружке и т. д. члены бюро заявляли, что у них заседание ячейки... Таких мелких примеров недисциплинированности, расхлябанности у нас много. В основе их лежит чаще всего не утомленность, не усталость, а тот же мещанский индивидуализм, победа домашнего уюта (или выпивки с товарищами и т. д.) над комсомольскими обязанностями, над общественным долгом. Индивидуальные интересы вытесняют интересы коллектива.

Недисциплинированность—непосредственная черта мелкой буржуазии, мещанской стихии, чуждая пролетариату. Можно смело сказать, что в ячейках, с повестки дня которых не сходит вопрос о дисциплине, не все благополучно по части классовой закалки комсомольцев. Подлинное мещанство в таких ячейках если и не является хозяином, то во всяком случае оно не чувствует себя стесненным...

5

Классическим типом мещанства является так называемое «пижонство», когда в угоду своим мизерным удовольствиям, крайне сомнительного качества, в угоду тем же галстукам и шелковым чулкам, «джимми» и

пудре приносятся в жертву все общественные интересы, вся общественная активность. В этом, пожалуй, один из корней все еще недоверчивого отношения многих из молодежи к галстукам и прочим вовсе не вредным вещам, если они не заслоняют общественного долга, классовых интересов. «Комсомольская Правда», давшая в своих подборках о мещанстве и обывательщине (см. №№ 176, 197) лица мещан во всех их проявлениях, приводит немало примеров такого классического мещанства.

Приведем один из них, описываемый юнкорами Ушаковым и Варшавским:

«На Высоковской фабрике (Клинский уезд, Московской губ.) разлагающее влияние мещанства глубоко проникло в среду девушек-работниц.

Девушки совершенно оторваны от общественной жизни. Интересы производства их не касаются; газет они совершенно не читают, но любят Чарскую и стараются походить на изображаемых ею героинь.

Одеваются они в модные платья с громадным декольте (смотря по сезону). Мизерные туфельки больно сжимают пальцы ног, отчего девушка приобретает «пикантную походку», но к вечеру уже почти что не в силах ходить. Во всех движениях этих девушек видны старательно выработанные «аристократические манеры», заимствованные из последней заграничной кинофильмы. Их разговоры: как прошли танцы, кто с кем гуляет, с кем провела вечер, как одеваются мальчики и т. д.

По какой бы улице вы вечером не пошли, вы обязательно встретите хоть одну размалеванную куклу с раскрашенными до-нельзя губами, с подведенными глазами и белым, покрытым толстым слоем пудры, носом.

Такая кукла обязательно ходит с ридикюльчиком (о содержании которого умолчим), с браслетами и кольцами на руках.

На своих товарищей—рабочих эти барышни смотрят свысока, рабочий парень и не подходит—«ты мне не пара». Они вращаются «в высшем обществе», среди детей спецов (со старыми замашками), нэпманов и т. п.»

Делать на основании этого примера, выхваченного из груды ему подобных, заключение, что «классическому мещанству» подвержены преимущественно девушки—неверно. Правда, оторванность девушек, в их массе, от общественной работы создает условия для наибольшего развития мещанства в их среде, но и мужская часть молодежи далеко не освобождена от мещанства в его классическом виде. Яркое подтверждение этому в корреспонденции Конст. Шувалова, озаглавленной «Электротехник Боб».

«Борис Ключев—рабочий Путиловского завода. Комсомолец. Ежедневно, как и десятки рабочих цеха, берет свой инструмент и идет работать. Он—монтер. Здесь, в заводской среде, среди синих костюмов он ничем не отличается от сотен других рабочих.

Но глубоко ошибается тот, кто, посмотрев на комсомольский билет Ключева, хотя мысленно отнесет его к людям нового быта, к людям, ценящим свое пролетарское достоинство. Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, подделываясь под гнусавый французский акцент, должны называть его «Боб». Если вы встретите его где-нибудь в саду с «знакомой дамой» и, подойдя, начнете говорить с ним о чем-нибудь, касающемся завода, он с опаской оглянется на «даму» и обязательно замнет начатый разговор.

Клюев—комсомолец, молодой рабочий, стыдится своего «звания». Он избегает называть себя рабочим, находя более картинные названия: «электротехник», «электрик»—рекомендуется он «дамам».

Бедный «Боб», в эту получку ему нехватило трешницы на визитные карточки, текст которых он мечтал видеть таким: «Электротехник Клюев».

Заглянув под убогий трехногий стол «электротехника», мы найдем с десяток склянок с ярлыками «Вежесталь-Португаль», «Кадюль» и пр. Это—очень важная расходная у него статья.

Вот что говорил мне по секрету «Боб» Клюев:

— Это не жизнь, а одно недоразумение... Я, кажется, с ума сойду... Хиромантка это сказала...

Комсомолец начинает посещать хироманток. Вот новое времяпрепровождение.

— Разве не занимает тебя комсомол, не интересуется его работа?—спросил я однажды.

— Ну, хватил... комсомол, это так, по привычке... А что так, по существу буза... Это так... нужно лишь временно, для будущего... Эх, если бы денег побольше!..

Единственным ли примером комсомольца-мещанина является Клюев?

Нет и тысячу раз нет. Таких, как Клюев, похожих на него—сотни»,—заканчивает тов. Шувалов.

Яркая корреспонденция т. Шувалова, юнкора «Комсомольской Правды», рисует гнусный тип мещанина-комсомольца, стыдящегося своей принадлежности к рабочему классу и комсомолу, по существу дела **изменяющего** им перед лицом разной мелкобуржуазной дряни. Вот этим-то и опасен «классический» вид мещанства. Он ведет не только к забвению классовых интересов, но и к отгораживанию от своего класса, к измене

ему. Об этом говорит не только история с «электротехником Бобом», об этом не менее ярко говорится и в первой корреспонденции, обрисовывающей девушек, считающих, что рабочие парни им «не пара», тяготеющих к обществу спецов и нэпманов. И эти девушки, так же как «Боб», совершают, катясь по наклонной плоскости мещанства, **отход от своего класса**. Чем дальше, тем сильнее они будут завязать в грязи нэпманского общества и при первой возможности окончательно порвут последние нити, связующие их с рабочим классом. Здесь перед нами мещанство явно выступает как враждебная классовая сила, **прямо ведущая борьбу за рабочую молодежь**.

6

Мещанин и обыватель не всегда индивидуалисты, иногда они не только вне компании им подобных не могут «проявить» себя, но и выступают в роли организаторов «коллектива». До каких юмористических и, одновременно, грозных размеров доходит такого рода «коллективизм», показывают факты создания молодежи—в силу различных причин, о которых речь ниже — своеобразных организаций. Тов. Диденко из Артемовска пишет в «Комсомольской Правде»:

«Есть у нас в Артемовске «моховцы» — от МОХ, т.-е. «международное (!) общество халтурщиков», как они сами себя называли. МОХ охватывает довольно большую группу молодежи, туда входят и молодые рабочие, и служащие, и некоторые комсомольцы.

Девизом этой группы является: везде и всюду—в театры, кино, на спектакли, клубные и семейные вечера—проходить «на халтуру», т.-е. без билета.

Если это им удастся, они сейчас же начинают активно добиваться того, чтобы в конце вечера были танцы, и на себя скромно берут роли руководителей.

Не гнушались они и клубами. Всей брашкой заявлялись обычно в клуб совторгслужащих, занимали комнату отдыха, и, если кто был там, его выкуривали. Когда туда заходила девушка или посторонний кто, то вылетали пробкой—особенно нервные.

Велись в комнате отдыха рассказы о бабах, пьянках, о «приключениях» с проститутками. Когда запас похабных анекдотов и приключений истощался, моховцы освобождали комнату отдыха и шли «развлекаться» в буфет.

Там устраивали конкурсы на обжорство, заключавшиеся в том, что за счет одного другой должен был в течение пяти минут съесть 15 штук самых сладко-приторных пирожных, запивая одним стаканом чая. Если вызвавшийся справлялся со своей задачей—в награду сыпались громкие аплодисменты.

О подобной организации, поставленной более солидно, с собственным ежедневным «бюллетенем», сообщают и из Мариуполя. Там в одной комсомольской ячейке создалось так называемое «ОДРИХ» (общество друзей розыгрыша и халтуры).

«Общество занималось тем, что в «свободное время» до или после занятий или собраний собиралось вместе за «дружеским» разговором. Вовлекали в разговор новичка. Начинали с «вводных слов», нащупывая слабые стороны «жертвы», задавали всевозможные вопросы о личной жизни, о родителях, о международном положении...

Молодой парень, думая, что этот разговор является осуществлением внеплановой, повседневной

работы комсомольцев, говорил про себя: «как хорошо, не успел еще протоптать дорожку в ячейку, как тебя окружает «своя семья».

Но когда «воспитатели» превращали серьезную тему разговора в отрывочные фразы, сопровождающиеся насмешками над происхождением, манерами, способностями, фигурой новичка и т. п., когда сыпался град «одриховских» слов и хохот, тогда кончалось тем, что осмеянный, зажав кулаки, с горькой обидой на весь комсомол, вылетал пулей из «общества», зачастую бросив по его адресу несколько резких слов.

Дело ОДРИХ подвигалось вперед: стали выпускать ежедневный, напечатанный на пишущей машинке, бюллетень, пока не вмещалась ячейка.

Плодотворной почвой для организации подобных ОДРИХ служит слабая работа ячеек. Не имея дела, всегда свободный, не зная, куда девать энергию, какой-нибудь талантливый парень вербует вокруг себя «актив» из своих друзей, и последние, чтобы не потерять в лице руководителя достойного товарища, умеющего весело проводить время, поддерживают его».

В описанных «халтурщиках» больше от хулиганов, чем от мещан. Это верно. Но у «халтурщиков» много родственного и с мещанством. Мещанское и обывательское заключается у «халтурщиков» в тех чертах, которые хотя и не описаны в приведенных корреспонденциях, но вместе с тем неизбежны для членов «халтурных» организаций. Конечно же «халтурщику» наплевать на общественную работу, на работу в ячейке, если он в ней состоит, наплевать на интересы своего коллектива. Он думает о чем угодно — о том, как бы похабщиной, грязными анекдотами выгнать из клуба деву-

шек, провести «конкурс» на мгновенное поедание кучи пирожных и т. п. В этих чертах своих «халтурщик» роднится с мещанином, хотя отождествлять их безусловно никак нельзя. Многое тут зависит от темперамента различных людей. Придавая забвению, отодвигая на задний план, изменяя интересам своего класса, один скатывается в болото «классического мещанства», другой — в силу своего темперамента — идет иной дорожкой, более «воинствующей» — дорожкой «халтуры». Но у одного и другого одна общая основа — **антиобщественность**.

Заключительное замечание Мариупольской корреспонденции весьма ценно, — оно правильно определяет **причины**, часто порождающие антиобщественность, и намеряет **меры борьбы** с такими явлениями, как организации «халтурщиков» и развитие классического мещанства.

Мещанство, обывательщина — «грязь старого мира», оставшаяся нам от капиталистического общества. Но многое в распространении их среди молодежи зависит от нас, от нашей работы. «Голая стихия» личных стремлений и желаний может развязаться, если поощрять и предоставлять ее на волю судеб, но она может быть и охвачена нами, введена в здоровое русло подчинения общеклассовым интересам. Многое зависит от умения комсомольских ячеек работать в области охвата и правильного удовлетворения личных запросов молодежи. Та же девушка, которая теперь так привязалась к ридикюлю, что больше ни о чем другом и слышать не хочет, при интересной, живой работе комсомольской ячейки могла и не стать жертвой такой привязанности. Возьмем таких антиобщественников, как «халтурщики». Ведь у них силушки — «непочатый край»,

силушка эта, энергия так и играет, бурлит, но ячейка не может дать ей выхода, и тогда они этот выход находят сами—в «обществе халтуры» с его конкурсами обжорства.

В борьбе с мещанством одну из главных и существенных ролей должно играть, следовательно, решение той центральной проблемы в работе комсомола, которая была определена XIV партс'ездом и до сих пор выполняется не совсем блестяще.

7

Касаясь некоторых вопросов борьбы с мещанством, нельзя не отметить явлений, мешающих этой борьбе. Мешает борьбе с мещанством среди молодежи **подхалимство, угодливость, чиновничество в комсомоле**. Подхалимство — наиболее противная, липкая «грязь старого мира». Подхалим и чиновник — почти всегда «активные общественники», но их «общественность» ломаного гроша не стоит, ибо служит для них орудием достижения собственного благополучия. На доверенную ему работу подхалим смотрит, как на «пост», дающий возможность сделать прыжок «выше», занять другой, более «высокий». Если слегка колупнуть такого «общественника», то сразу обнаружишь **нутро заядлого мещанина** и обывателя. Подхалим, лебезящий перед начальством, ни во что не ставит тех, кто «ниже» его, если только эти «низы» не нужны ему для его личных выгод. Подхалим со свету сживет неугодившего ему. Он затравит девушку, которая отказалась от его «любезных» предложений, он постарается исключить из комсомола несогласных с его «линией», он оклеветает, затопчет в грязь тех, кто «под ним» не

ходит. Примеров всему этому приводить не будем — ограничимся одним, показывающим, как подхалим и чиновник — это достойное порождение заскорузлого мещанства — выступает в роли борца за «добрые нравы» «вверенной ему» молодежи. Юнкор Ив. Луговой в «Комсомольской Правде» описывает такой случай:

«Ответственный секретарь Краснохолмского волкома ВЛКСМ, Ржевского уезда, Тверской губ., Прокофьев решил «изучить» половую жизнь комсомолок. Однажды комсомолка С. В. была в Ржеве и зашла в лагерь N-ского стрелкового полка. И немедленно в штаб полка летит отношение:

«Настоящим Краснохолмский ВК ВЛКСМ просит собрать сведения на тов. С. В., члена ВЛКСМ, каковая будто бы была в лагерях N-ского полка. У нас имеются сведения, но не подтвержденные фактами, что т. С. В. ездила для того, чтобы удовлетворять себя в половых отношениях, что как будто бы и проделано со стороны С. В. с красноармейцами. В означенной просьбе просим не отказать и, если можно, вышлите подробный материал к 25 июля с. г.».

Более омерзительной картины встретить трудно. Мы ее приводим с единственной целью показать нутро подхалима и чиновника — этого порождения мещанства — во всей «красе», во всем омерзении, настолько вонючем, что спастись от этой вони не может даже крепко зажатый нос.

Личина «активного общественника», за которую прячется чиновник и подхалим, обмануть никого не должна. Что получится, если секретарь Прокофьев вздумает (а он вздумает, не беспокойтесь!) бороться с мещанством?.. Аллах один знает, что получится!

Психология подхалима еще вреднее, чем психология «простого» обывателя и «простого» мещанина. Если лозунги обывательщины — «моя хата с краю», «не выноси сор из избы» — вредны, то во много раз вреднее лозунги подхалимства и угодливости: «не трогай хаты начальника», «не выноси сор из избы начальства», «во всем угождай начальнику». Подхалимство ослабляет волю и решимость масс к борьбе с безобразиями и извращениями. Подхалимы и «угодники» представляют явную опасность для воспитания молодежи на правильной основе, для создания из молодежи новых людских кадров. Подхалимство и угодливость развивают мещанство, обывательщину, их прикрывают, им потворствуют. Вот почему не может быть борьбы с мещанством без непримиримой борьбы с подхалимством и угодливостью.

8

Рядом с такими врагами нового человека, как мещанство и обывательщина, стоит **хамское отношение к человеку**, неумение ценить товарища по классу, борьбе и строительству. Хамское отношение к человеку — у нас часто «в порядке вещей», глубоко коренится в быту, повседневности, и в нем много от мещанского индивидуализма и обывательщины. Неумение ценить товарища, действительно по-товарищески к нему относиться, противостоит чувству классовой солидарности и вытекающим из него взаимоотношениям между людьми своего класса, основывается на тех же «принципах», что и мещанство: пренебрежение ко всему, что не относится к моему «я», к моей личности. Хамство — это не грубость, происходящая от

бескультурия, в котором капитализм держал трудящиеся массы. Разница между грубостью и хамством в том, что грубость не ведет к ослаблению и подрыву классовой солидарности, коллективизма, хамство же ведет как раз только к этому.

Сначала о «мелочах» хамства. Таких мелочей много показала «Комсомольская Правда» в подборке «Нравы Растеряевой улицы» (№ 187, 1927 г.).

«Кто видел, — спрашивает т. Лин, — как мы здороваемся? Подходит парень и тыркнет тебя в бок. Хлопнет тебя по плечу — в груди звенит.

И кажется парню — социализм строит.

Ведь это же «дружба».

Приди к нам в ячейку поговорить с кем-нибудь.

Спросишь — ответит:

— Ну и катись.

— Катись колбаской по Малой Спасской.

— Задрыга.

— Зануда.

Эти слова у нас не оскорбительные. Никто даже не обижается. Это вошло в обиход.

Есть у нас в ячейке девушка. Природа наградила ее широкой спиной. Она жизнь свою проклинаяет.

Кто ни зайдет в ячейку, сейчас ее бух в спину, как в большой барабан — и доволен.

Девушка за вечер этаких «приветствий» штук 15 выслушает...

...Девушка — беспартийная — хочет записаться в комсомол. Пришла в ячейку за анкетой.

Секретарь говорит ей:

— Садись, поговорим.

Она хочет сесть, но услужливая рука выхватывает стул.

Девушка грохается о пол. В ячейке смех...

Девушка краснеет и со слезами на глазах убегает из ячейки».

Хамство это или грубость быта? Несомненно, хамство, не грубое отношение к товарищу, а явное издевательство над ним, полное неуважение к нему, в результате которого он — вольно или невольно — отдаляется от коллектива. Навряд ли девушка, со слезами на глазах убежавшая из ячейки, скоро зайдет в нее снова.

Все эти издевательства оцениваются, как невинные шутки, веселенькие пустяки. Их виновники окружаются ореолом «веселых ребят», остроумных, с которыми не заскучаешь. Другая заметка описывает подобные «шуточки» в среде молодежи, «отдыхающей» в Киевском доме отдыха «Белая Роза».

«Начали с того, что испортили пианино, выбросили из комнаты графины для кипяченой воды. Друг у друга крали вещи или проигрывали их в карты. Случалось, что и ботинки проигрывали. Если в уборную было далеко ходить, то кровати «неудобных», не поддающихся влиянию товарищей, превращали в уборные... Сверху накрывали одеялами — и все было шито, крыто. Пока были графины с водой, пользовались ими, чтобы устроить внезапный душ спящему, а когда графинов не стало, обходились и без них... И попрежнему товарищи просыпались мокрые, попрежнему они бежали к заведующему жаловаться».

Веселенький дом отдыха! Славно в нем отдохнешь, из него прямым сообщением угодишь в больницу для нервных...

Чтобы покончить с «шуточками», приведем описание нравов, царящих в Жлобинской школе ФЗУ:

«Ребята считают, что «повалить девицу на стол, ломать ей руки, спрашивая при этом «сколько раз», это все «нормально и досконально» (поговорка учеников).

Матерные ругательства, зануда, затруха, «стерва» часто посылаются по адресу девиц.

М. пришел пьяный в общежитие, где хлопцы пили чай, он без всяких разговоров ударил одного и другого по «башке», и когда ему Пашкович сказал: «Брось, а то в учком заявим», он его ударил еще три раза.

Ученик Б. взял у Борисевича без разрешения книгу, растрепал ее, и когда Борисевич забрал ее обратно, то Б. два раза ударил его, пригрозив, что еще даст.

Характерный факт рассказывает Ловецкий: «Иду домой. Запыхавшись, ко мне подбегают товарищи Щ. и Т. и зовут меня поговорить по секрету. Я говорю, что разрешаю секретничать при всех. «Что тут возиться,—крикнул Т.,—скидай пиджак, будем драться». Я сказал, что драться не хочу. «Это трусость с твоей стороны»,—говорит Щ. и ударяет меня в лицо, так себе, слегка, немного в глазах потемнело. Поднял я фуражку и спрашиваю: и это все?.. Пока все, — и так мы разошлись...»

Это, действительно, не что иное, как нравы Растеяевой, купеческой улицы: «не препятствуй моему ндраву». У другого—не лицо, а морда, на которой если не горчицу размазывать, то уж во всяком случае можно оставить следы от своего кулака. Таким «ндравам» не место у нас. Они годятся только для такого общества, где «человек человеку — волк». Классовая солидарность заключается не только в единодушном действии, в поддержке друг друга в борьбе с классовым врагом, но и в чутком отношении к своему товарищу в быту,

повседневной жизни, в уважении его. Хамское отношение к человеку, перенесение в среду рабочей молодежи купеческих замашек и привычек — удар по классовой солидарности, ведет к раздроблению коллектива.

Описанные «шуточки» являются, действительно, шуточками по сравнению с фактами затравливания, полного обесценения человека, и в результате их — полной потери товарищей для коллектива, организации. Но именно потому, что такие уже более серьезные факты **прямо вырастают** из «обыденного хамства», из привычных «шуточек» — последние должны быть уничтожены, побеждены.

От пренебрежительного отношения к человеку больше всего страдает девушка. Да оно и понятно. Ведь для мещанина и обывателя — «курица — не птица, баба — не человек». Девушку легче всего затравить, она не всегда в силах постоять за себя, а умение постоять за себя при отсутствии товарищеской поддержки — многое значит.

В № 10 журнала «Смена» был помещен очерк Бор. Галина «О Шуры с текстильной», рассказывающий о факте такого затравливания девушки-комсомолки. У Шуры с текстильной была своя мечта — организовать коммуну девушек-работниц. Много сил вложила Шура в осуществление своей мечты, но своего добилась: коммуна была создана. Через некоторое время коммуна, лишенная чьей-либо поддержки, распалась. Подруги Шуры стали «весело» жить — устраивали в коммуне попойки, пьяные вечорки. Про коммуну пошла плохая слава. Шура не сдавалась. Она проявила удивительную энергию в сохранении коммуны. Кинулась искать помощи там, где ее, казалось, должна была найти, — в комсомольский коллектив. «Обо всем пове-

дала Шура комсомольскому коллективу. Ждала, что скажут. Первым взял слово председатель собрания. Он оглядел всех сидевших на бюро ребят, подмигнул им — дескать, знаем мы эту коммуну, слышали про их грязные дела. Всем почему-то стало весело, заулыбались.

— Товарищи, — сказал он, — да какая же это коммуна! — Возвышая голос, возмущенно продолжал: — Да, ведь, они позорят идею коммуны. Шпана собралась там, а не комсомольцы. Ишь чего захотели, чтобы мы заглянули к ним!»

Так был произнесен приговор над коммуной. Но этот приговор был и приговором над ее организатором — над активной комсомолкой Шурой. На Шуру, хотя за ней никакой вины не было, ни в чем она замешана не была, стали смотреть косо и в коллективе, и на фабрике. Шуру стали отталкивать от всякой комсомольской и общественной работы. Когда ни придет в бюро просить работу — там хмуро поглядят и скажут: «да ведь не знаем, как с тобою быть». Подожди, мол, погоди... Так и ходит, бесцельно слоняется Шура. Она пишет в газету письмо: «Обидно и больно стало мне. За что? Я хочу работать, люблю организацию, а меня отталкивают. Спрашивала себя: неужели я ненужная. Ведь я могу и хочу работать»... Шура комсомольским коллективом обесценена, потеряна. Мы не знаем дальнейшей ее судьбы, но на основании других примеров, можно сказать, что Шура, отталкиваемая коллективом, отойдет от него совсем.

Не будем приводить еще примеров. Их много, особенно из нашего отношения к девушкам. Эти примеры стали почти трафаретными. Стоит только девушке-комсомолке, активистке выйти замуж — и она уже коллективом переводится в разряд «пропавших людей».

Это происходит даже в том случае, если сама комсомолка успешно справляется с бытовыми сетями, оттягивающими ее сплошь и рядом от общественной жизни. Насмешливое отношение к ней—«куда тебе работать, ты теперь семейная»—выражает то обесценение человека, которое ничем не оправдываемо. А вспомним снова, как швыряются у нас словечком «мещанство». Как часто такой ярлык приклеивается к комсомолке. Как легко и быстро с таким ярлыком, который **часто наклеивают, но очень редко помогают снять**, отойти от комсомола.

Если мы сталкиваемся с фактами небрежного отношения к товарищам, ни в чем неповинным, то, естественно, гораздо больше фактов обесценения человека, на чем-либо поскользнувшегося, хотя бы на том же самом «мещанстве». А в то же время—кто из молодежи не поскользнется? Кто не ошибается, и подчас даже крупно? Но, ведь, комсомол—организация воспитательная, призванная воспитывать молодежь не только на учебниках политграмоты, но во всей жизни и работе. И именно в комсомоле больше, чем где-либо, требуется пристальное товарищеское внимание к каждому шагу отдельного члена организации, дружная поддержка и помощь в нужную минуту.

Мы не умеем ценить человека. Но дело не только в неумении. Многие **оправдывают** небрежное и хамское отношение к человеку. Оправдывают, как это ни странно, самыми «высокими мотивами».—Разве,—говорят они,—нам можно уделять внимание **отдельному** человеку, когда у нас—целая организация. Вот, дескать, во время военного коммунизма и разговоров о цене человека не было. Выходит, что хамство зачисляется прямо в какие-то традиции комсомола и партии.

Конечно, все это неверно. Никогда партия и комсомол не отличались невнимательным, небрежным отношением к своим работникам, к членам своих организаций. Как раз наоборот: всем известно, например, как заботливо и чутко относился, каким глубоким вниманием окружал товарищей по работе Ленин. **Организация** тем и сильна, что она состоит из единодушно работающих и борющихся, **друг друга поддерживающих** людей.

Другие даже разговоры о «цене человека» считают чем-то зазорным. «Ценить человека, — говорят они, — да ведь это слюняйство. Тоже, выдумывают всякие там нежности!» О «нежностях», комсомольце и теленке уже как-то раз было сказано, и хорошо сказано. Что же касается «слюняйства», то оно ничуть, никаким краем не похоже на умение ценить человека, даже больше — «слюняйство» противоречит этому умению. Хорошо написала Клара Цеткин в своем ответе на поздравления по поводу ее юбилея:

«Существующие постановления (речь идет о постановлениях по охране материнства и младенчества и по воспитанию детей — И. Б.) продиктованы и другим **верховным принципом** советской власти. Я имею в виду **умение высоко ценить человека и человеческую жизнь**. Это заставляет общество заботиться о сохранении человеческой жизни, о наполнении ее содержанием, о поднятии ее на более высокий уровень. Эта забота — один из маяков, указующих путь советской политике».

Умение высоко ценить человека — не слюняйство, а «**верховный принцип советской власти**». Это глубоко верно. Это так же верно, как верно, к сожалению, и другое: наше неумение в своей повседневной работе

применять этот «верховный принцип». Мы должны научиться его применять, должны перестать быть растратчиками живого, человеческого материала. Каждый и каждая из наших комсомольцев и комсомолок должны постоянно чувствовать себя окруженными непроницаемой стеной товарищеского внимания и крепкой, искренней поддержки. Умение ценить товарища нам обязательно нужно, оно еще больше укрепит нашу организацию и оно является неременной чертою нового человека, за которого мы ведем борьбу. Капиталистический строй, угнетавший рабочий класс, вместе с тем обезличивал человека, не считался с ним, глубоко подавлял его. Пролетарская революция призвана не только свергнуть старый рабский строй, но и уничтожить обезличивание людей, построить новое общество, где не будет места старой заповеди: «человек человеку—волк», где будет дружный коллектив уважающих, поддерживающих, ценящих друг друга тружеников.

9

Мы уже упоминали о громадной роли быта в формировании нового человека. **Бытовая распущенность**, которая в значительной части попутно нами отмечена («наплевизм», грубость, неуважение к товарищу по общежитию и пр.), мешает, враждебна интересам социалистического строительства, воспитанию нового человека. Из бытовой распущенности надо отдельно выделить половую распущенность, наиболее вредящую делу воспитания новых людских классов.

Есть ли у нас половая распущенность среди молодежи? Этот вопрос в последнее время очень горячо обсуждался в связи с некоторыми литературными про-

изведениями, о которых речь будет дальше. Ошарашенные теми мрачными, подчас клеветническими картинами жизни нашей молодежи, до которых большими охотниками показали себя некоторые писатели, часть товарищей, выступавших на защиту молодежи, начисто отрицала наличие половой распущенности. Конечно, эти товарищи не правы, так же, как не правы и те, кто видит всю нашу молодежь сквозь темные очки. Некоторые прослойки молодежи половой распущенности подвержены. Половой анархизм имеет сторонников в среде молодежи. И не только сторонников, а подчас и горячих защитников. С этой стороны весьма интересна дискуссия, проведенная журналом «Смена» (№№ 8—15) по открытому письму одного комсомольца, т. Сергея Скворцова. Письмо представляет интерес не только потому, что фактами доказывает наличие половой распущенности среди молодежи, но и в силу «аргументации» автора в оправдание и защиту сообщаемых фактов. Письмо стоит того, чтобы его привести возможно полнее. Называется оно «Разврат ли это?».

С. Скворцов пишет:

«Теперь только и разговоров про «Собачий переулочек» да про «Луну с правой стороны». Говорят, что в Хамовниках распевают:

Очень явственно весна
Приближается:
С правой стороны луна
Ухмыляется.

В «Комсомольской Правде» целые статьи о том же. Получается впечатление, будто и впрямь комсомол — это притон разврата. Будто рабочая молодежь одним только и занимается половыми излишествами на разнообразные лады.

Лекторы и газеты задуряют голову молодежи половым вопросом в устном и печатном виде — и лекциями, и нравоучениями, и грозными опасениями. А между тем, «вопроса»-то никакого и нет. Но, понятно, когда каждый день толкуют об одном и том же, приневоливают тебя об этом думать... и вот поэтому начинается настоящий и серьезный вред.

Нечего уговаривать нас в том, чего совершенно нет в нашей действительной жизни.

Среди рабочей молодежи разврата совершенно нет. Я своего отца стал допрашивать:

— Сознаться, — говорю, — неужели вы в ваше молодое время с девушками не гуляли и не жили до самой свадьбы?

— Ну, да,—говорит,—вас, умников, не было нас обучить.

Наша молодежь ничуть не больше себе позволяет, чем это было в старое время, до революции. Даже, я бы сказал, мы гораздо гигиеничнее и порядочнее живем, чем родители наши, которые и к проституткам часто ходили целыми компаниями. Это у них считалось — шикарно погулять. А у нас, я думаю, самый слабый комсомолец постыдится пойти к проститутке. Но, безусловно, много рабочей молодежи и теперь доходит до этого, и я думаю, что главная причина, которая их толкает к проститутке, это шум, гвалт вокруг «полового вопроса». Поневоле начинают парни стараться удовлетворить свои потребности понезаметнее. Приходится им таиться и опасаться скандала, даже если у девушки и не будет беременности. Вот и пускаются к проститутке. Но все-таки огромное большинство тех ребят, которых я сам знаю, избегают этого и либо воздерживаются, либо гуляют каждый со своей девчиной.

... Странное дело. Неужели именно этот факт (что действительно гуляем с девушками во всех смыслах,— так что и живем обыкновенным образом) уже есть разврат.

...У нас в Ленинской слободе процветает такой факт, в виде подпольных вечорки с тем самым коллективным баловством, про которое я уже сказал. Попасть на вечерку постороннему парню почти невозможно. Ребята довольно откровенно рассказывают, как там время проводят, но чужого, не из своей компании, не пускают. По-моему, из опасения, чтобы их не оскандалили. Устраивают такую вечерку на частной квартире, обязательно в двух комнатах: в одной вся публика играет, угощается, танцует. А в другой—пусто и темно.

В разгар игры хозяин вечерки, а либо заводило-весельчак отзывает одного парня и уводит в другую комнату. Там парень говорит, какую девушку ему желательно, и заводило приводит ее. Она отказаться не в праве—такой уж «устав» вечерки. Заводило уходит и запирает дверь на ключ.

В компании все продолжается, как ни в чем не бывало, никто не обращает внимания. Через 10 минут тот же коновод отпирает дверь, и эта пара выходит, присоединяется к компании, а в комнату отправляется другая на смену. И так все переменяются. Больше одного раза в комнату никто не попадет из парней, а про девчат—не знаю. Думается мне, что должно случаться, потому что вряд ли всегда бывает поровну, если обыкновенно участвует человек 10—15. На иных вечерках немного более равноправный устав: там во время танцев, когда все разобрались по парам, хозяин подходит и какого-нибудь парня хлестнет ремнем. Тогда эта пара и отправляется на «особое совещание». В об-

щем довольно похоже на некоторые деревенские «домовники», когда парни девкам «пробу делают»...

...Как же нам относиться к таким «коллективам»?

Теперь многие закричат:

— Вот он—разврат.

Потише, товарищи! Успокойтесь.

Никто не спорит, что это не безобразие. Но разврата все-таки даже тут и не видно. А видно одно: грубость и некультурность нравов, перенесенных из деревенского быта. Но вот что важно: кто же заставил их сюда переносить? По-вашему, лучше отправить ребят к проституткам.

А почему они затеяли вечорки?

Потому, определенно, что вы их затолкали в подполье улюлюканьем против половых потребностей.

Известно, что монастыри всегда вели к разврату. Надо прекратить монастырскую агитацию и вредную ханжескую бузу среди рабочей молодежи, и тогда отпадет главная причина, побуждающая ребят к безобразным путям удовлетворения», — заканчивает т. Скворцов свое письмо.

Такова позиция защитников половой распущенности молодежи. В чем ошибки, чего не может и не хочет понять и что нарочито запутывает Скворцов в своем письме? Автору настоящей брошюры, подводившему итоги развернувшейся в «Смене» дискуссии, уже приходилось отвечать на эти вопросы.

Мы меньше всего склонны выступать в роли непогрешимых проповедников, изрекающих обязательно заповеди. Так же не склонны мы непременно приклеивать к каждому явлению определенный ярлык, говоря: «в правильности его не смей сомневаться». Но мы за то, чтобы вещи назывались так, как нужно, свои-

ми именами. Это—обязательное условие. Разврат мы развратом назвать и должны, а никак не иначе. Правда, слово «разврат» прочно связано со всем лицемерием мещанства, буржуазии, но мы употребляем его для того, чтобы прямее и резче поставить вопрос.

На прямой вопрос т. Скворцова: «Разврат ли это?» можно сказать лишь одно: «Да, несомненно, разврат», к каким бы маскировкам и оговорочкам ни прибегали его защитники. Тов. Скворцов старался поставить свой вопрос хитро, но хитрость его простая, ее разгадает любой пионер, даже только вчера пришедший в пионеротряд.

Сначала т. Скворцов пишет, что у молодежи никаких там «проблем», «вопросов» и прочих сложных дел вообще не существует, и она их, по совести говоря, и знать не хочет. Вся беда, дескать, в том, что все эти «вопросы» под ручку с «проблемами» идут от «лукавого»—от газет и лекторов. Газеты, мол, взбудоражили молодые головы, ну и пошли, как грибы после дождя, «проблемы». Если бы так обстояло дело, как представляет себе т. Скворцов, тогда разрешение всех «проклятых вопросов» было бы не особенно сложно. Нужно было бы одно: сжечь все газеты (обязательно вместе с редакциями, а то снова появятся и начнут «будоражить»!) и передавить всех лекторов (можно вместе с их детьми—вывести все это «лекторское племя»). Тишь и гладь наступили бы после такой несложной операции. Мирно похрапывали бы Скворцовы, никто бы не тревожил их безмятежного сна.

Тов. Скворцов пишет глупости. Кто ему поверит, что «зло» от «газет и лекторов»? Посмеяться только можно над этим утверждением. «Проблемы» и «вопро-

сы»-то — всамделишные, существующие не от того, что этого захотели «беспокойные люди» в роде журналистов и газетчиков. Какие нужны для этого доказательства? Разве наиболее ярким из них не является «открытое письмо» Скворцова?!

Вторым, после лекторов и газет, коньком т. Скворцова является положение, что «наша молодежь ничуть не больше себе позволяет, чем это было в старое время, до революции. Даже, я бы сказал, мы гораздо гигиеничнее и порядочнее живем, чем родители наши, которые и к проституткам часто ходили целыми компаниями».

Ну, и что же? Что от того, что наши родители «больше себе позволяли»? Вот где действительно с полным правом можно сказать: «за что же кровь проливали?»... Разве революция для того делалась, чтобы больше было проституток и чтобы к ним ходили комсомольцы целыми ячейками? До сих пор думали, что революция должна привести как раз к обратному.

Никто не говорит, повторяем, что наша молодежь насквозь развратна, это утверждают только наши враги. Мы против такой характеристики молодежи боремся и будем бороться. Но мы никогда не будем так замазывать уродливое в быту, как это делает т. Скворцов. Семейные публичные дома мы всегда будем называть развратом и против них так же бороться.

Чувствуя ненадежность и второго своего конька, т. Скворцов приберег для верности еще одного, третьего. Третий конек—в ссылке на «грубость и некультурность нравов». Этот конек—не крепче первых.

Если то, что описывает т. Скворцов, не разврат, то что же тогда развратом называется? Пусть грубость и

некультурность нравов. Согласны. Но кто это и с каких пор стал считать, что разврат—это культура? Так смотрит на вещи буржуазия, полагающая, что ее «фокстротирующие» нравы, ее публичные дома, охраняемые законом и полицией,—высшие достижения культуры. Пусть разврат от «грубости и некультурности нравов», а не от пресыщения, но развратом он от этой объективной причины быть не перестает. Кому нравится, пусть называет разврат «коллективным баловством» (мы бы предложили лучше называть это чубаровщиной—подходящее), но мерзкая сущность его от этого, к сожалению, в лучшую сторону никак не изменится.

Тов. Скворцов со своим письмом удивительно напоминает ту сварливую бабу, которая, разбив одолженные ей горшки, на упреки отвечает: во-первых, я горшков не брала; во-вторых, я их не разбила, а они сами разбились; в-третьих, я их вернуда целыми. Так и у т. Скворцова: во-первых, разврата нет; во-вторых, это не разврат, а «коллективное баловство»; в-третьих, весь разврат получился от газет (баба, разбившая горшки, очевидно, была неграмотной, иначе она сказала бы, что горшки разбиты... газетами).

Пытаться оправдывать и защищать разврат—явно безнадежное дело. Половая распущенность, или—заменяя это не совсем точное выражение более верным—разврат, в некоторой, на наш взгляд, незначительной части молодежи есть, он вредит нашим задачам, в том числе и в первую очередь—задаче воспитания нового человека.

В письме т. Скворцова есть один, на первый взгляд незаметный, но по существу крупный вопрос: кто описанные «нравы» перенес в среду рабочей молодежи? Из

письма Скворцова не видно, кого он считает виновником—то ли «газеты и лекторов», то ли деревенских ребят. О первом «виновнике» не стоит повторять сказанного. Одну деревню винить тоже нельзя. Деревенские «домовники» во многом разнятся от «коллективного баловства» в Ленинской слободе, несмотря на их общий «колорит».

Половой анархизм, разврат присущи разлагающемуся, гниющему буржуазному обществу. Если известная половая распущенность в среде рабочей молодежи—во многом результат ломки старой семьи, то половой анархизм, разврат проникает в ее среду из противоположного, враждебного классового лагеря, является результатом чуждого классового влияния.

10

Грязью старого мира, врагом нужного социалистическому обществу человека является и несознательное отношение к труду, **отсутствие трудовой культуры**. Отсутствие трудовой культуры—это наследие рабского, капиталистического строя, в котором, как писал Ленин, «организация труда держалась на дисциплине голода». В отсутствии трудовой культуры в наших условиях сказывается и прежний рабский темп работы, и косность, и «мелкобуржуазный эгоизм», и все те привычки, «которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину» (Ленин).

Борьба за трудовую культуру—одна из важнейших и главных наших задач как сегодняшнего дня, так и подготовки нового человека. Октябрьский манифест сессии ЦИК СССР так говорит об этой задаче: «Социалистическая рационализация хозяйства, повы-

шение его техники и его организации, рост трудовой культуры, уничтожение рабских привычек и рабского темпа работы должны быть поставлены во главу угла. И на этом фронте мы должны побить врага.

Почему мы считаем необходимым об этой задаче говорить на ряду с другими нашими задачами борьбы за нового человека? Потому, что в теперешних условиях отсутствие трудовой культуры питается преимущественно такими враждебными силами, как мещанство, индивидуализм, при которых свои личные интересы выше общественных, в том числе и производственных, как «наплеизм» и т. д. Трудовая культура не может существовать у «наплевиста», у «халтурщика» и им подобных. Вот почему борьба за нового человека—это не только борьба с мещанством, обывательщиной, хамством, но и с отсутствием культуры труда.

На этом участке нашей борьбы у нас сравнительно более благополучно, чем на других. Здесь у нас уже есть некоторые успехи. Всем известны факты, когда молодежь, во главе с комсомольцами, является на большинстве предприятий застрельщиками социалистической рационализации, идет «против течения» отсталых настроений отдельных групп рабочих, дает яркие примеры подлинного трудового героизма. Новые кадры пролетариата, подготовляемые школами фабрично-заводского ученичества, представляют во многих отношениях тип нового рабочего. Всем известен и такой факт, как широкое движение рабочего изобретательства, в первой колонне которого идет молодежь. Но на этом, в общем благоприятном фоне тем более заметны все еще многочисленные факты «рабских привычек и рабского темпа». В на-

шей печати часты описания симулянтов, слоняющихся по врачам и больницам в надежде, что «авось какой-нибудь докторишка найдет болезнь». Часты такие **позорные списки**, как представленный конкурсной комиссией Кайдакского района в Днепрпетровске:

«Леонов, И. К работе относится халатно. На производстве проявляет хулиганские выходки, в общественной работе не участвует.

Щеглов. Невнимательно относится к своим обязанностям. Работает очень скверно. На несколько часов уходит с работы неизвестно куда. С рабочими груб.

Зайденберг, А. Небрежно относится к работе. Прогульщик. Личные интересы ставит выше производственных. В любой момент способен бросить работу и уйти по личным делам.

Сокулинский, Алексеенко, Фаун, Шишко. Беспорочно прогуливают, небрежно относятся к работе, увиливают от нее. В высшей степени неаккуратно относятся к инструментам».

Отличительными характерными чертами всех перечисленных является «наплеизм», хулиганство, мещанский индивидуализм—явления уже достаточно знакомые нам.

Все это—факты индивидуального отношения к производству. Их здоровому, крепкому коллективу молодежи изжить не так трудно. Другое дело, когда налицо имеются такие факты, когда весь коллектив плюет на интересы производства.

«В третьем отделении меховой фабрики Госторга работали комсомольцы. Был дождливый, осенний вечер. Распахнув дверь, в цех вбежал кладовщик. Громко, так, чтобы всем было слышно, он сказал:

— Товарищи. Дождь заладил надолго, надо перетаскать привезенный утром товар в кладовую.

Из правого угла его перебил резкий, недовольный голос:

— А мы-то тут при чем. Работу кончаем.

— Нет подсобных рабочих, надо помочь, а то, ведь, погибнет товар...

— Ну, и шут с ним...

Ни один из работавших здесь же комсомольцев не вызвался помочь кладовщику перенести товар. В одной из групп ребята заворчали:

— Ишь, чего захотел. Отрывайся от сдельщины...

— На Пушкина ему работай...

Кладовщик кинулся по лестнице в другое отделение. Дождь попрежнему бился о стекла, щедро поливая шкуры, сваленные во дворе, образуя мутные лужи.

Так комсомольцы и остальная молодежь забыли, что они являются хозяевами, так они из-за личных интересов («отрывайся от сдельщины!..») нанесли вред интересам общеклассовым, интересам всего своего пролетарского государства.

Не будем останавливаться на более мелких, наиболее распространенных фактах отсутствия трудовой культуры, как перебои в производстве, бесцельные хождения по предприятию, прогулы, невнимание к инструментам и т. п., все то, что начинает изживаться развертыванием производственного воспитания молодежи. Не будем говорить об обломовщине в среде комсомольского актива.

Ленин на III съезде комсомола говорил о необходимости воспитывать молодежь «в сознательном и дисциплинированном труде». Этой задаче он придавал гигантское значение. Еще раньше, в 1919 г., в статье по

поводу коммунистических субботников, сн писал, что «возврат назад к капитализму станет невозможным, коммунизм станет действительно непобедим» только тогда, когда будет создана «новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина».

Против «рабского темпа работы», против косности, трудовой распушенности, против отсутствия трудовой культуры, питаемого мещанским индивидуализмом и его союзниками, за создание социалистической дисциплины! Без этого борьба с «грязью старого мира», борьба за нового человека останется безрезультатной.

Таковы основные враги нового человека. Мы видим, что они—тесные союзники, друг друга поддерживают, друг с другом переплетаются. С ними нужна одновременная борьба, но это ни в коем случае не означает, что не нужно видеть каждого из них в отдельности. Несмотря на тесный свой союз и частое переплетение друг с другом, каждый враг в отдельности имеет свое собственное лицо.

Многие задают вопрос: «а каков же должен быть новый человек? Врагов его вот, дескать, мы видим отчетливо, а сам он не ясен». Ясного облика нового человека сейчас не может быть, отчетливо его нарисовать нельзя, так же, как нельзя сейчас с полной ясностью обрисовать будущее коммунистическое общество. Но так же, как мы твердо знаем основные принципы коммунистического общества, так же мы знаем и основные черты нового человека. Эти черты, это основное содержание нового человека—коллективизм, непоколебимая воля к борьбе за общие, коллективные интересы, отсутствие мелкобуржуазного эгоизма, косности, распушенности—всей «грязи старого мира».

У. О РАЗНЫХ ВИДАХ УПАДОЧНИЧЕСТВА

„В жизни не нашел ничего хорошего“. — „Об ужасе бездорожья“ и „бокалах без вина“. — Откуда идет упадочничество? — Ольга Р. и Гарри Пиль. — В руке упадочника не всегда петля. — Упадочничество — опасная игра.

1

Зимой 1927 г. мне пришлось в одной из московских комсомольских ячеек делать доклад об упадочничестве. Это было в то время, когда не забылась, не успокоилась еще совсем волна самоубийств среди молодежи, в той или иной степени связанных со смертью Есенина, проходивших, так сказать, под есенинским флагом. Доклад в ячейке был поставлен в связи с самоубийством одного комсомольца, тов. Г. Самоубийство вполне естественно взволновало всех комсомольцев ячейки. Основное, в чем появились у них сомнения, было—как должен комсомолец относиться к самоубийствам. Сомнения здесь вызывались как по самой сущности вопроса, так и по чисто практическим делам ячейковой жизни: устраивать ли самоубийце торжественные похороны, идти ли комсомольцам на похороны со знаменем ячейки и т. д.

Резолюция, вынесенная собранием по докладу об упадочничестве, резко осуждала самоубийства, рато-

вала за воспитание здоровых, бодрых людей, способных выдержать ожесточенные бои и упорную кропотливую «будничную» работу. Об этом говорила резолюция. **Не об этом говорило большинство** выступавших в прениях. Большинство выступавших не совсем открыто и отчасти с некоторым смущением **оправдывало** самоубийство комсомольца Г., во всяком случае—резко не осуждало его. Дальше мы опишем некоторые случаи самоубийств, которые по своим причинам могут еще вызывать у комсомольцев сомнения в осуждении их, но колебаний в осуждении описываемого случая у комсомольцев не должно было быть.

Комсомолец Г. являлся квалифицированным рабочим, материальной нужды не ощущал. Комсомольцем являлся не один год. Какие причины толкнули его на самоубийство? В оставленной посмертной записке он так формулирует их: «в жизни не нашел ничего хорошего». Материалы комиссии, обследовавшей обстановку самоубийства, говорят, что, по отзывам окружающих Г., он уже порядочное время был погружен в пессимизм, отмахивался рукой от всякой общественности, жаловался на «серость» и «будни». «Серостью» же и «буднями» нашего времени пытались на собрании ячейки некоторые товарищи оправдать самоубийство Г. Они ссылались на то, что вот раньше, в период гражданской войны, самоубийств среди коммунистов и комсомольцев не могло быть, что раньше был героизм, теперь на смену ему пришли самые обыденные вещи, которые не могут вызвать энтузиазма, зажечь революционным огнем. В подтверждение приводились ссылки на то, что вот, дескать, и старые большевики-подпольщики не выдерживают будней и отправляются в «иной мир». В общем выходило, что самоубийство чуть ли не

заслуживает похвалы, как достойный революционера шаг.

Не стоит долго раз'яснять здесь таких элементарных вещей, что самоубийство не достойно пролетарского революционера, что самоубийство является капитуляцией перед лицом трудностей, неудач. Лишь немногие чудаки могут определять самоубийство в наши дни, в условиях социалистического строительства, как «протест личности против тех социально-экономических и психологических условий, которые ее окружают». **С такой** точки зрения самоубийства явились бы протестом против диктатуры пролетариата и социалистического строительства. Самоубийство на самом деле означает только одно: **капитуляцию.**

Самоубийство — наиболее законченная форма, завершение упадочничества. Достаточно хорошо знакома та форма упадочничества, которая шла под флагом Есенина и получила название «есенинщины». Есенинщина является, если можно так сказать, формой «чистого упадочничества». Пример такого упадочничества описан выше. Примеры его мы имели и в той волне самоубийств, которая больше года тому назад прокатилась среди некоторой прослойки пролетарского студенчества. Есенинщина характеризуется полнейшей запутанностью в событиях, в путях развития, полной апатией, утратой интереса к жизни. Упадочники-есенинцы полюбили «носить в легком теле тихий свист и покой мертвеца» (Есенин). Известно, представители каких социальных прослоек молодежи попадают в ряды есенинцев, известна социальная база есенинщины. Обследование самоубийств в вузах показало, что самоубийцами-есенинцами являлись по преимуществу выходцы из деревни и из городской мелкой буржуа-

зии—элементы, социально родственные Есенину, являвшемуся знаменем их упадочных настроений, ушедшие от своей социальной среды, пошедшие к пролетариату, но к нему не дошедшие, завязшие на беспутьи. Это положение находит подтверждение и на приведенном примере из жизни комсомольской ячейки. Комсомолец Г.—выходец из городской мелкой буржуазии. Характерно и то, что сама ячейка, в которой довольно сильны были голоса оправдания самоубийства, является не чисто производственной—она существует при строительной конторе.

2

Есенинщина, как все упадочничество во всех его проявлениях, социально чуждо рабочему классу и рабочей молодежи. Если под ее влияние попадают отдельные представители рабочей молодежи, то это—следствие проникновения классово чуждых пролетариату влияний. У рабочего класса, класса победителя в нашей стране, ведущего свою борьбу победоносно, не существует и не может существовать никаких глубоких корней апатии, капитуляции, есенинщины.

Из нашей среды не может раздаваться голосов в оправдание и защиту самоубийств и упадочничества. Вот почему нельзя не осудить стихотворения Иосифа Уткина «Слово Есенину». С Уткиным можно согласиться, когда он пишет:

Кому ж нужны бокалы,
Бокалы без вина...

— потому что—действительно—такие бокалы никому не нужны. «Бокалы», социально опустошенные,

элементы, социально деклассированные, обществу не нужны.

С Уткиным можно согласиться, когда он пишет и о том, что

Есть ужас бездорожья.
И в нём— конец коню

— ибо такой ужас, опять-таки, для людей, растерявших свои социальные связи, может быть. Но с Уткиным нельзя никак согласиться, когда он заявляет, оправдывая самоубийство:

Нам всем дана отчизна,
И право жить и петь.
И кроме права жизни
И право— умереть.

И дальше:

И я тебя, Сережа,
Ни капли не виню...

Нам, революционерам, нам, социалистическим строителям, «права умереть» не дано, не может быть дано ничем и никем. Нам дана **обязанность** жить для дела борьбы рабочего класса.

Нельзя не винить самоубийств даже опустошенных «бокалов», даже «коней» на бездорожьях. Ибо пролетарская общественность может наполнить своим полноценным содержанием, своим «вином» опустошенные «бокалы», может вывести из бездорожья и поставить на путь службы себе «коней», потерявших дороги, отошедших от мелкой буржуазии и заблудившихся по пути к пролетариату. В эпоху пролетарской революции, как никогда, полна и богата содержанием жизнь каждого ее участника, и такой может стать жизнь

каждого, способного стать ее сторонником. Как никогда ясны сейчас основные пути и дороги. Самоубийства не могут быть оправдываемы.

Тот же тов. Уткин в другом своем стихотворении, действительной «песне бодрости» («Слово Есенину» он мог бы с полным правом назвать «песней упадочничества») находит нужные слова резкого отпора упадочничеству:

Други,
Это не годится.
Чуть волна на горизонт—
Вы сейчас:
На квинту лица,
Весла—к чорту,
И за зонтик...
.....
Кормит жизнь
Мудреной смесью,
Пробуй все, ценитель тонкий:
Не всегда медовый месяц,—
Есть и прачка,
И пеленки.

Эти слова, по существу, направлены уже не против есенинщины, а против другого вида упадочничества, не столь резко выраженного, как есенинщина, но более распространенного среди молодежи, в том числе и рабочих. Это—безверие в социалистические пути развития нашей страны, это—стенания на «серость» и «будничность» и т. п. Если есенинщина — «ужас бездорожья», в первую очередь, следствие разрыва с социальной средой, следствие деклассированности, то этот вид упадочничества — результат запутанности в противоречиях нашей обстановки, неумения в ней разобратся; это—тоже растерянность, но растерянность

несколько иного порядка, чем есенинская растерянность, находящая место среди малодушных людей нашего класса.

Провести резкой грани между этими двумя видами упадочничества нельзя. Упадочничество и в наших рядах часто перерастает в есенинщину, приводя отдельных к самоубийствам. Упадочничество и в наших рядах—результат не только противоречий и трудностей социалистического развития, но и прямого или косвенного влияния классово чуждых пролетариату сил и настроений.

Мы уже отмечали, что упадочничество во всяких его формах по самой своей природе чуждо пролетариату. Оно характерно для отживающего класса—буржуазии, которая несмотря на то, что нэп предоставил ей пока некоторые возможности «дышать», видит свой конец, свое окончательное и полное уничтожение в результате победоносного социалистического строительства. Упадочничество главным своим очагом имеет враждебные пролетариату социальные слои, осознавшие свою неизбежную гибель. Из этих очагов упадочничество проникает в наши ряды, развивая среди отдельных, наименее закаленных прослоек рабочего класса настроения безверия и паники.

3

Конечно, корни упадочничества гнездятся и в нашей нищете, в безработице. Помимо этого у нас растет много малоподготовленных к жизни людей. Одна из таких пишет: «Окончив девятилетнюю советскую школу, потеряла всякую надежду найти себе работу. Из нашей школы 30 человек в этом учебном году окон-

чили девятилетку, и ни один из них, при всем желании, не нашел себе работы. Неудивительно! Найти работу не члену профсоюза, не имеющему стажированной квалификации и вообще-то никакой квалификации—возможности нет. Пессимистические настроения в этой части молодежи принимают поголовный характер». Упадочничество среди такой молодежи вполне понятно, оно будет изживаться по мере рассасывания безработицы и по мере большей увязки нашей образовательной сети с потребностями и интересами народного хозяйства. И все же нельзя упускать из виду, что упадочничество, порождаемое нашей нищетой, безработицей, неподготовленностью части молодежи к жизни, нашими трудностями, во многом оформляется, поддерживается, развивается классово чуждыми влияниями, просачивается и через быт, и через литературу, кино, театр.

Упадочник в нашей среде—безвольный человек. То или иное крупное препятствие порождает у него панику, та или иная неудача ослабляет его силы окончательно.

Вот путь одного комсомольца, быстро, правда, стряхнувшего с себя упадочнические настроения.

Его — пишет он — обвинили в союзном подлоге. Ячейка и райком исключили. Конфликтная комиссия губкома восстановила. Бюро губкома по возбужденному ходатайству райкома пересмотрело дело и, решив вопрос в пять минут, снова исключило.

В обвинении не было и $\frac{1}{10}$ доли правды, все в большинстве получилось благодаря склоке. «Но после постановления губкома,—пишет он,—я перестал верить себе. Старался втолковать мысль—раз меня обвиняют, раз меня исключили, то стало-быть я так виноват, что

не могу быть членом ВЛКСМ. А раз так, то зачем же я буду жить, зачем я буду мешать своею негодностью. Там, где я отдал все свои мысли и стремления, в союзе, я признан ненужным, негодным и даже вредным.

Больших трудов стоило знающим меня ребятам отговорить от мысли о самоубийстве. Эта мысль как-то насильно и невольно лезла мне в голову. В конце концов я взял себя в руки, послушал совета ребят, передал свое дело в ЦК ВЛКСМ». Центральный Комитет восстановил его.

«А теперь,—заканчивается письмо,—после этого примера, я хочу сказать всем, как я осуждаю свое малодушие. Знаю, что ни у одного меня был такой случай. Сейчас я снова работаю в комсомольских рядах и чувствую, что сделал бы большое преступление и перед союзом и перед всей общественностью, если в минуту отчаяния покончил с собой. Преступление, потому что каждый даже самый маленький человек может сделать очень много хорошего, если он к этому будет стремиться».

История этого комсомольца интересна с двух сторон. С одной стороны, тем, что показывает, что иногда толкает идейно не закаленного комсомольца в объятия упадочничества, и с другой—тем, что служит примером правильного преодоления случайных упадочных настроений. Невнимательное отношение к человеку, подчас явная несправедливость к нему, возведение клеветы на него—могут толкнуть в пессимизм. Но нужно обладать достаточной волей, верить своей родной организации, знать, что доброе комсомольское имя без причин запятнать комсомол не даст, что на чиновников, не желающих вникнуть в суть дела, управу найти можно.

Нужно **уметь хотеть** преодолеть случайно или нарочно устроенные преграды и ямы. **Такой** вот тип комсомольца должны мы противопоставлять нытику, при первом же, пусть даже очень тяжелом, случае переставшему верить в свою организацию, готовому полезть в петлю. **Такой** тип комсомольца мы должны противопоставлять и комсомольцу, впадшему в упадочничество в борьбе с бюрократическими извращениями и другими безобразиями. Известно, как многие, раз попытавшиеся осадить бюрократа и обжегшие при этом руки, начинают хныкать, забывая, что на стороне борцов с бюрократизмом вся советская общественность, во главе с большевистской партией, которые всеми силами помогут добраться до бюрократа.

4

Формы упадочничества разнообразны. Укажем еще на одну, которая ярко выявляет упадочничество, как прямой результат чуждых нам идеологических влияний. Упадочничество часто вырастает на почве «классического мещанства», идет под знаменем последнего. Яркий пример такого вида упадочничества — в самоубийстве кандидатки в члены комсомола Ольги Р., случае, ставшем довольно известным через комсомольскую печать.

Работница Ольга Р. жила во втором общежитии Сокольнического ОНО (в Москве) вместе с другими 67-ю девушками, бывшими воспитанницами СПОН, сейчас работающими на фабриках. Р. не особенно любила в общежитии за ее вечные жалобные разговоры о желании бросить работу ткачихи и стать конторщицей. Подругам своим она говорила, что за

15 руб. охотно бы пошла в контору, т. к. там легче, чем на фабрике, все время жаловалась по другим поводам и «по секрету» сообщала, что собирается отравиться...

Чем жило общежитие? Излюбленными темами являлись пересказы виденных в кино картин. Самыми популярными личностями являлись Мэри Пикфорд и Гарри Пиль. Заработок своей девушки затрачивали, во-первых, на кино и, во-вторых, на шелковые чулки, модные юбки, урезывая себя во всем остальном, лишь бы «походить на героев экрана». Этого достаточно, чтобы судить, какие настроения царили в общежитии девушек-работниц. «Герои экрана»—центр жизненных интересов. Ко всему остальному—апатия, равнодушие. Естественно, что в такой атмосфере достаточно мельчайшего пустяка, чтобы, глядя на мир через очки «героев экрана», потерять всякие жизненные зацепки, последние остатки интереса к жизни. Такой пустяк и вызвал катастрофу.

У Р. украли юбку и две блузки. Поднялся долгий и громкий плач. Со слезами на глазах Р. так изливает подруге свою обиду: «Ты понимаешь, Катя, нет жизни... Юбку украли... В чем я теперь покажусь Жоржику? Я в плисовой так походила на барышню»...

Подруга внимательно выслушала, всплакнула вместе с Ольгой, но утешать ее и не подумала. Очевидно и для нее стало ясно, что без плисовой юбки «нет жизни». Подруга вместе с Р. пошла в магазин и купила флакон уксусной эссенции. Остальные девушки ожидали разворачивания событий. Спокойно смотрели, как Ольга с эссенцией в руках удалилась не то на чердак, не то в собственную комнату, и не пытались удержать ее. Лишь после того, когда Ольга опрокинула флакон в рот и упала, подруги окружили ее.

Весь этот случай, особенно в части поведения подруг Р., крайне нелеп и дик. Но именно эти нелепость и дикость ярко освещают корни упадочничества, вытекающего в результате безраздельного влияния стопроцентного мещанства. Гарри Пиль и Мэри Пикфорд и прочие «герои экрана» вобрали в себя все жизненные интересы группы девушек-работниц, через этих «героев» чуждые нам влияния взяли вверх. Все, что выходит за круг «экранных героев» и таких их атрибутов, как плисовые юбки, не имеет цены. Класс, революция, строительство—этого нет; есть другое «солнце»—юбка; потеря ее—равносильна потери всей жизни. И это мнение не одной Р., но и ее подруг, полагающих, что самоубийство из-за юбки неизбежно. Созданию таких настроений несомненно способствовало то, что о девушках Сокольнического общежития комсомол забыл. Комсомол, повидимому, не пытался оказать влияния на девушек, ибо ясно, что даже не особенно крупная работа комсомола среди них в состоянии была бы победить и «героев» и плисовую юбку.

5

Упадочник не всегда и не обязательно таков, каким рисуют его наши карикатуристы: понурый вид, блуждающий взгляд, в одной руке—веревочная петля, в другой—книжка есенинских стихов. Упадочник иногда предъявляет активные **политические** требования. В «Комсомольской Правде» проводилась дискуссия по письму одного упадочника, Гр. Намворба. Письмо это, называвшееся «На распутии ли наша молодежь?», было искренне упадочническим. В нем выражалось незнание «путей-дорог», высказывались знакомые жалобы

на будничность и серость нашей жизни—эти излюбленные упадочные мотивы, оповещалось о безверии всей молодежи в социалистическое строительство и многом другом. Но на ряду с этим письмо обвиняло комсомол, политическую организацию рабочей молодежи, в том, что его члены заботятся не о строительстве социализма, а о «кладке строительных кирпичей в свой собственный карман». Уже это одно обвинение заставляло насторожиться, так как оно весьма схоже с обвинениями, возводимыми на партию и комсомол прямыми врагами рабочего класса.

Весь же характер упадочничества Намворба становится ясным при чтении определения письмом источника всех бед. Вся беда, оказывается, заключается в том, что комсомол—**единственная легальная политическая организация молодежи.** В устранении такого положения подразумевается выход Намворба из всех его бездорожий упадочничества.

Какова социальная сущность письма Намворба, каково классовое содержание его упадочных настроений—сомневаться не приходится. **Такого же** рода упадочничество присуще и меньшевику, и кулаку, и попу и прочим представителям классов, выброшенных в нашей стране в мусорный ящик истории. Упадочничество, подобное намворбовскому, вооружено меньшевистскими, контр-революционными клыками.

Упадочничество деморализует, разлагает отдельные группы молодежи. Упадочник—не только выбывший из строя борец, но он является гнилью, способной заразить окружающее. Упадочников—единицы и десятки, но они могут заразить сотни неуверенных, коле-

блующихся, слабых, не закаленных в классовой борьбе. Борьба с упадочничеством означает, в первую очередь, закрепление, закалку неуверенных и колеблющихся. Больше, чем где-либо, здесь нужна «профилактика» — предупреждение.

Наш союз последнее время много внимания уделял упадочничеству и борьбе с ним, в которой достигнуты несомненные успехи. В частности, есенинщине нанесен довольно сокрушительный удар. Есенинщина, взятая комсомольской общественностью под обстрел, потеряла прежние свои размеры, но она не исчезла. Вместе с тем развиваются и другие виды упадочничества. Вот почему упадочничество — попрежнему под обстрел!

VI. ПЕРЕУЛКИ И ТУПИКИ ¹

О чубаровщине, упадочничестве, оценке наших болезней
и о литературе)

Мы видим свои болезни и не замазываем их. — Не забудем Чубарова переулка! — Нужна трезвая оценка наших болезней. — „Луны“, „Собачьи переулки“ — паническое раздувание болезней. — Сплошная половая „проблема“. — Типичен ли комсомолец в санатории или сумасшедшем доме? — Поэт Клюев, упадочничество и кулацкая контрреволюция. — Кто как разъясняет Есенина?

1

Мы идем широкой пролетарской улицей. Этой улицей рабочий класс ведет к социализму Советскую страну. Пусть не гладка социалистическая улица, пусть много на ней ям и рытвин — не торцами она устлана — путь по ней труден, тяжел. Пусть не всегда пряма наша улица, но мы знаем, зачем по ней идем, знаем, куда, идя ею, придем.

Вместе с рабочим классом в его рядах по социалистической улице идет и рабочая молодежь. И она — в основной своей массе — знает конечную точку пути, и

¹ Настоящая глава представляет собою расширенную статью автора, напечатанную в „Комсомольской Правде“ в №№ от 1 и 2 марта 1927 г.

она преодолевает ухабы и рытвины, встречающиеся на пути, и она держит твердый, уверенный шаг.

Наша молодежь, и в первую очередь рабочий молодняк, не похожа на есенинских нытиков, запутавшихся в «роке событий», потерявших все и вся. Она не похожа на этих появившихся в последнее время на редкость «глубоких» философов, только и занятых безрезультатными и безответными раздумываниями над вопросом: «что будет дальше», сопровождающих это постоянное глубокомысленное занятие другим—не менее постоянным и не менее глубокомысленным ковырянием в носу. Но было бы непролазной глупостью из-за основного массива советского молодняка, здорового и бодрого, проглядеть, забыть отдельные его прослойки, подверженные упадочничеству, болезненным настроениям.

Признание основных масс нашей молодежи здоровыми далеко не снимает с нас обязанности внимательно следить за теми группами молодежи, в которых не все благополучно. Мы тем более обязаны это делать, что нельзя к оценке настроений молодежи подходить чисто механически: такая-то группа здорова, такая-то больна. В жизни дело обстоит несоизмеримо сложнее. **Отдельные группы молодежи не изолированы друг от друга, а находятся в состоянии постоянного взаимодействия.**

Наша пролетарская улица не одна. Есть и другая улица—не наша, буржуазная.

Не нужно забывать и того, что рабочий класс продвигается вперед не один, он ведет за собою основные массы крестьянства, у которых—тяжелый груз собственных воззрений. Все это порождает многие противоречия на пути нашего развития.

С буржуазной улицы на нашу—не один переулок. Не в наши переулки и не в наши тупики попадают некоторые из идущих по пролетарской улице. Переулками с буржуазной улицы проникает к нам смердящая муть. Мы в предыдущих главах настоящей книжки показали многие из наших болезней, многих из наших врагов, проникающих в среду молодежи.

Оценка преломления всех сложнейших условий нашего развития в настроениях молодежи является постоянной и неперменной задачей. И, прежде всего, нам нужна **трезвая** оценка. Но вот такую-то оценку мы имеем не всегда.

Многие, рассматривая переулки в жизни и быту молодежи, путаются по невообразимым лабиринтам, сами попадают в тупики. Это относится в первую очередь к нашей **литературе**. У нас есть антисемитизм, мещанство, упадочничество. Мы этих явлений не замазываем. У нас есть и такие язвы, как чубаровщина. Чубаров переулок нами не может быть забыт. Мы открыто вскрываем его опасность, видим, чем он грозен.

2

«Герои» Чубарова переулками расстреляны,—и это не только расстрел некоторых чубаровцев, но и залп по чубаровщине. И все же это еще дела не решает. Чубаровщина жива. Приговором классового пролетарского суда, отразившим требования самых широчайших слоев советской общественности, чубаровщине нанесен весьма серьезный удар, но, вне всякого сомнения, далеко не смертельный. И это вполне естественно, если верно определить социальную сущность чубаровщины, социальные причины, ее породившие. Сейчас тем уместнее

напомнить о них, что за последнее время, судя по многим признакам, чубаровщина, после значительного шума, поднятого вокруг нее, как будто начинает постепенно уходить с поля нашего зрения. Помнить о Чубаровом переулке мы должны особенно крепко, так как он представляет из себя наиболее серьезную язву.

Что нас должно заставить крепко помнить о наличии Чубарова переулка? То, что чубаровщина имеет место **в нашей пролетарской среде.**

Отмахиванием от действительного изучения, а вслед за ним и от разрешения вопроса являются рассуждения: «ну, какие, дескать, чубаровцы—рабочие?». Такая постановка вопроса является несерьезной уже хотя бы по одному тому, что она противоречит фактической стороне дела. Кто сидел в ленинградском губсуде на скамье подсудимых? В числе прочих там были **квалифицированные** рабочие: литейщик, токарь по металлу, слесарь и др. Да, среди них почти не было «потомственных пролетариев», но все же они представляли собою известную прослойку рабочей молодежи.

На скамье подсудимых сидела рабочая молодежь. Но **какая?** Та ее незначительная часть, которая с заводом не срослась, для которой завод на первом месте не стоял, являлся делом побочным, которая не представляла собою **заводского** коллектива, которая, в силу всего этого являлась благодарной почвой для разлагающего буржуазного влияния. Именно Чубаров переулок представляет яркий пример проникновения с буржуазной улицы разложения, гнили. Чубаров переулок является как бы филиалом Невского проспекта, этой, в старое время фешенебельной и насквозь prostituiрованной буржуазной улицы, а теперь вобравшей в себя всю нэпманскую накипь большого города.

Так называемая «великосветская» муть переливалась в рядом расположенный Чубаров переулочек. Она, а позднее нэлманская накипь, отхлестывала чубаровцев от заводского коллектива, разлагала их, **деклассировала**. Классовые интересы вытеснялись, даже не вытеснялись, а просто их место заполнялось интересами переулочка—этого филиала гнилой буржуазной улицы.

Посмотрите показания чубаровских насильников. Чуть ли не с малых лет их жизненный круг начинался водкой и проституткой, и ими же заканчивался. За этим кругом был завод, у некоторых даже комсомол, но это все **за кругом**, это—постороннее, это—с пролетарской улицы, и оно преодолевалось тем, что грязным потоком лилось с улицы буржуазной. Не только не было места интересу к общественной жизни, к книге или театру, но даже к кино, так часто в прошлом, да и во многом и теперь со своими «боевиками», входящим в один круг вместе с водкой и проституткой. Буржуазное влияние брало вверх во всем. Наиболее яркое выражение оно находило в отношениях к женщине. «Повели бабу», т.-е. группой пошли насиловать женщину,—эта фраза и эта гнусность, являвшаяся прямо-таки заурядным, бытовым чубаровским явлением, мало кого удивлявшая (а не то, что возмущавшая), является чубаровским отображением отношения к женщине на буржуазном Невском. Если Невскому более свойственно отношение к женщине, как к хрупкой, дорогой вещи, то Чубаров переулочек к ней относится, как к грубой, но тоже вещи. Разницы, по существу, никакой нет. И там, и здесь одно: женщина—**вещь**.

Через Чубаров переулочек к нам проникает буржуазная дрянь. Чубаровцы—та часть рабочей молодежи,

над которой буржуазное влияние взяло верх. Поскольку чубаровцев, как таковых, так сказать «сто процентных»—единицы, это не так опасно. Опаснее другое: **отдельные элементы чубаровщины (водка, отношение к женщине и т. д.) распространены более широко.** Мы должны выскрести их у себя без остатка. Мы должны прочистить, провентилировать Чубаров переулочек, в нем нужно культурной, бытовой, всей нашей работой соорудить высокую непроницаемую плотину против буржуазной мути. Пусть этой мутью наслаждаются и ею захлебываются те, от кого она идет.

Мы видим и понимаем опасность всех наших болезней, видим и понимаем опасность упадочничества, мещанства, чубаровщины. Должны ли все эти явления отражаться литературой? Безусловно, должны. Весь вопрос в том—**как** это литература должна делать. Во всяком случае, **не так**, как это делают некоторые художественные произведения последнего времени.

3

Пролетарское студенчество занимает во всей нашей советской общественности одно из видных мест. И это вполне понятно и объяснимо. Но не так все понятно и объяснимо обстоит дело с отражением жизни и быта пролетарского студенчества в художественной литературе. Ясно, что нельзя от литературы требовать фотографий или статистики. Ясно также, что художественная литература, в первую очередь, останавливает главнейшее внимание на социальной значимости явления. Но никоим образом нельзя понять, почему литература, как только доходит до пролетарского студенчества, делается до крайности **однобокой.** Возьмите

все появившиеся за последнее время более или менее крупные художественные произведения из жизни нашего студенчества, и вы увидите эту, так и выпирающую однобокость. Все эти произведения упорно отказываются видеть в вузовской среде все, что не касается полового вопроса.

Сначала «Без черемухи» П. Романова, затем «Луна с правой стороны» Малашкина, наконец, «Собачий переулок» Л. Гумилевского. И одно, и другое, и третье произведения—все об одном и том же. Все они, одни с большей, другие с меньшей яркостью, некоторые достаточно талантливо, другие бесталанно, описывают половую развращенность пролетарского студенчества. И первым невольным вопросом встает: неужели вузовский молодняк не имеет в своей жизни других сторон, кроме одной? Неужели наше студенчество только тем и может привлекать внимание литературы, что в его среде имеет место такое явление, как половая распущенность? Никто не отрицает наличия половой распущенности, она есть, но не заслоняйте ею всего остального, чем живет студенчество, и не изображайте ее в таких геркулесовых размерах, что, право же, вместо молодежи вузов видишь каких-то необъятных размеров развратный дом, в котором только и делают, что «быстро схватывают, кладут на растрепанную постель» («Без черемухи»), устраивают афинские ночи («Луна») и убивают себя и других («Собачий переулок»)!

«Без черемухи» и «Луна с правой стороны» уже получили достаточную оценку, главным образом, со стороны тех, чью среду они будто бы отображают—со стороны вузовцев. Если «Луна» с ее такими «шедеврами», как афинские ночи, была встречена почти

единодушно, как безусловная клевета на пролетарское и, в первую очередь, партийное студенчество, то в отношении к «Без черемухи» такого единодушия не проявилось.

Многие согласились с тов. Ионовым, писавшем в «Правде» (декабрь 1926 г.):

«Нам не нужно кисейных занавесок, гераней и канареек.

Бисерных чехольчиков и маниловских поцелуев, во время которых, по свидетельству Гоголя, можно выкурить маленькую соломенную сигарку.

Томного воркованья и сентиментальных вздохов вокруг коллективной ночной вазы—этого глубочайшего символа мещанского уюта и благополучия.

Одним словом, всего того, что является неотъемлемым атрибутом трогательного голубино-го счастья нежно воркующей парочки».

Многие, очень многие, согласились с тов. Ионовым, ратовавшим в той же статье за «установление человеческих отношений между людьми», за необходимость «сделать наши бытовые отношения и, в первую очередь, отношения между мужчиной и женщиной простыми и чистыми—человечными и потому красивыми»...

Безусловно соглашаясь со всеми этими положениями тов. Ионина, многие, возвращаясь все к той же «Черемухе», задавались вопросом: в «черемухе» ли человечность?

И в самом деле, как установить грань между черемухой и коллективной ночной вазой—этим, на сей раз по верному свидетельству не Гоголя, а Ионина, глубочайшим символом мещанского уюта и благополучия? Ведь вот Маяковский сегодня выступает уже за ки-

сейные занавески, за герань, за таких приятных птичек, как канарейки... Не выступит ли кто завтра не только за черемуху, не только за безобидных канаречных птах, но и за «коллективную ночную вазу»? Нет ли опасности попасть на путь установления именно **такой** «человечности», украшенной не только «черемухой», но и «вазой»?

Все эти вопросы мы ставим не потому, что считаем ненужной борьбу с половой распущенностью, а исключительно с целью предостеречь некоторых поспешных «врачей» от преподнесения «развратной молодежи» своего рода патентованных пилюль. Надо смотреть за тем, чтобы молодежь из одного переулка не была направлена в другой, может быть, и не рядом с первым расположенный, но тоже переулок, и не более блестящий **нашей чистотой.**

4

Третье произведение, на котором надо остановиться,—«Собачий переулок» Льва Гумилевского. Оно весьма схоже с малашкинской «Луной с правой стороны» по тем сногшибательным преувеличениям, в которых изображает половую распущенность опять-таки того же пролетарского вузовского молодняка.

Главное действующее в «Собачьем переулке» лицо—студент Хорохорин, активный комсомолец, ведущий в вузе и вне его большую ответственную работу. Описывается первая его встреча со студенткой в трамвае; из трамвая—к ней на квартиру—в Собачий переулок. И здесь начинает обрисовываться облик Хорохорина.

«Рекомендуется, в сущности говоря,—подумал он холодно,—сходиться с женщиной не более двух-трех раз в неделю. Это даже по корану так. В последний раз это было третьего дня... Ну, ничего. Можно и должно».

На Хорохорина находит спокойное раздумье: должно ли? Но «от голых ног уйти он уже не мог». (Кстати, эти «голые ноги», «милые колени», «голые колени» во всяческих положениях так и мелькают на всем протяжении повести перед глазами рассудительного Хорохорина). Затем без всяких дальних слов и раздумий, Хорохорин со всей своей хладнокровностью... расстегивает брюки. И когда Вера кричит: «Уйдите. Мне нужна страсть, порыв, огонь. А вы слова не сказали»,—он с такой неподдельной горечью отвечает: «Ах, Вера! Неужели вам еще нужны слова? Ну, а впрочем: раз ты хочешь слов и всяких этих причиндалов, так я могу»...

Как видим, Хорохорин и от «черемухи» не отказывается, раз она нужна ему, как он рассуждает, для того, чтобы «восстановить простым выполнением естественного акта нарушенное душевное спокойствие»...

Хорохорин не даром «считал себя человеком решительным, трезвым, здоровым, нормальным, энергичным и крайне активным»—самая всеобъемлющая характеристика.

Вот его «трезвость»: «Если бы я был голоден и нервничал от голода, я пошел бы в столовую и пообедал. Вопрос ясен, что нужно делать сейчас».

Вот его «крайняя активность» и пояснение того, «что нужно делать сейчас»: придя в клуб, подсаживаясь к однокурснице, Хорохорин выставляет ей сле-

дующее мотивированное требование: «Сегодня у меня все расстроилось, а у меня срочная работа, и нужно это ликвидировать. Ты не пойдешь со мной?.. Что же, ты не можешь **по-товарищески** (курсив мой—И. Б.) оказать эту услугу?» Однокурсница, однако, от оказания «товарищеской» услуги отказалась. Но разве Хорохорин может на этом успокоиться. У него же нарушено душевное равновесие, у него же срочная работа! Хорохорин не печалится. Он «по-детски (немного странные дети в Собачьем переулке!) радовался тому, что можно было сейчас вернуться к Анне, вырвать у нее со спокойной (снова спокойствие! На редкость спокойного человека нашел Гумилевский!—И. Б.) усмешкой из рук химию, повалить ее (надо полагать, что не химию, а Анну) с хохотом на кровать, возвратить себе душевное равновесие, а завтра снова на фабрику, и там преподавать кружку молодежи политграмоту»...

Хорохорин, этот трезвый, нормальный, активный комсомолец, преподаватель политграмоты,—в «Собачьем переулке» не один. У него есть родственная натура—Анна, студентка, тоже член комсомола. Для Анны сойтись с первым встречным «еще проще», чем в кино пойти: «А то как же, ведь, кинематограф сорок копеек стоит, а это даром».

«У нас,—говорит Анна,—кое-где организовались кружки «Долой стыд!»—и верно. Молодцы ребята! К чорту! Борьба за новый быт! Довольно! Требуется тебе парень—бери, удовлетворяйся, но не фокусничай. Смотри на вещи трезво. На то мы и исторический материализм изучаем...»

Таковы типы Собачьего переулка—стопроцентные приверженцы «теории стакана воды». Собачий переу-

лок с его домами, в которых,—ну, конечно, какие же еще могут быть?—темные лестницы, заплесканные помоями, заплеванной и загаженный переулок, в котором разыгрывается драма с убийствами и самоубийствами, по определению одного из «положительных типов» повести, является «кривым переулком половой распушенности».

Если сравнивать повесть Гумилевского с малашкинской «Луной», то первая изображает, несомненно, более жизненные типы. И все же таких, как Хорохорин, мы не знаем. Ведь нельзя упускать из виду, что Хорохорин—крупный комсомольский активист, который не только, вернее, не столько учится в вузе, сколько организует и воспитывает, как всякий наш активист, молодежь. До сих пор мы считали—и это как будто никем не оспаривается,—что комсомольский актив—лучшая часть комсомольской молодежи во всех отношениях. Скажут: а разве не попадают среди активистов люди, негодные быть таковыми? Попадают, верно. Но Хорохорин же представлен нам не случайно вырванной фигурой, он обрисован, как характерный для активной части комсомола **тип**. А вот такого-то **характерного** для комсомольского актива типа мы и не знаем.

Читая «Собачий переулок», думаешь увидеть указание на то, что Хорохорин—физически ненормальный, больной человек. Но нет. Не только сам Хорохорин считал себя «здоровым, нормальным», но таким же его считает и автор. На самом деле получают не здоровые и нормальные пролетарские вузовцы, а вконец издергавшиеся люди, «страстями» своими мучающие себя и других. В этих, **ничем не оправдываемых** преувеличениях—ошибка Гумилевского.

И Малашкин, и Гумилевский не отказываются выводить положительных типов. Но посмотрите, какие у них они ходульные—их просто не замечаешь. Они—не больше и не меньше, как благородный жест писателей.

5

В переулках «половой распущенности» многие из писателей видят почти всю нашу вузовскую молодежь. «Кривой переулок» превращается уже в целую **развратную улицу**, имеющую совсем незаметный, узенький и крайне короткий переулок если не нового, то хотя бы элементарно-здорового быта.

Выдумками склонны заниматься наши писатели. Всех собак склонны вешать на пролетарское студенчество. Не пора ли это занятие прекратить? Не пора ли показать студенчество таким, как оно есть, а серьезно же—не одни только язвы оно имеет в своем быту, во всей своей жизни?!

Собак вешают не только на вузовцев. Последнее время в оценке наших болезней стали вообще валить в одну кучу очень многое.

Вузовцы? Они в переулке распущенности! Пролетарское студенчество? Там же! Комсомольцы? Ну, им-то и подавно полагается быть в этом переулке. Комсомольцы же, дескать, передовая часть молодежи. Так и «изображают».

Тов. Ионов в упоминавшейся уже статье так и пишет, что и «Без черемухи» и «Луна с правой стороны» «ставят «проклятые» вопросы комсомольского быта во всей их остроте и напряженности». И не один тов. Ионов так смотрит на вещи. Многие, когда заходит,

например, речь о «комсомольской любви», категорически утверждают, что «комсомольская любовь—скотская любовь». Значит, не только вузовский молодняк в «кривом переулке», но там же находится и комсомол. К чему такое паническое раздувание глубины наших болезней? Зачем такое преувеличение нездорового в среде студенчества и в комсомольской среде? Не думают ли товарищи, что это облегчит борьбу с половой распущенностью? Паника, паническое раздувание опасностей никогда борьбе не помогают.

Половая распущенность у нас есть. Этот «кривой переулок» не наш. Он мешает нашим задачам. Он должен быть уничтожен. Собачьим переулкам не место у пролетарской улицы. Но что **уже сейчас** представляют из себя **характерные** черты «комсомольского быта»? Половая ли безудержная распущенность, как это думают некоторые, или, наоборот, упорное здоровое искание форм нового быта? Право же, напрасно забывают присматриваться к фактам.

Забыли о необходимости интересоваться настоящей жизнью комсомольцев и всей молодежи. Анкетные данные (а анкет у нас проводится довольно много) говорят, что половая распущенность есть, что она имеет сравнительно значительные размеры, но ей подвержена далеко не подавляющая часть молодежи. Основная масса молодежи и в первую очередь комсомольцев не тем занимается, что создает кружки «Долой стыд». Пусть пока единичные, но уже есть такие характерные факты, как, например, внесение в устав коммуны молодежи специального параграфа, запрещающего членам коммуны, **в силу их возраста**, жить половой жизнью. Не будем здесь разбирать—правильно или неправильно поступают в данном случае ком-

мунары, но этот факт со всей яркостью говорит о сильнейшем стремлении молодежи к оздоровлению быта.

Не вешайте же всех собак на молодежь!

6

«Комсомольская Правда» произведения Малашкина, Гумилевского и Романова назвала клеветническими. В своей передовой статье в номере от 1/III 1927 г. она писала: «Там, где кипит напряженная общественная жизнь, авторы не увидели ничего, кроме сплошного полового вопроса. Проблему художественного отображения современной молодежи они заменили проблемой пола. Да и здесь впали в совершенный карикатуризм, придали общественной значимость отдельным редко встречающимся выродкам.

То, что вышло из-под пера Гумилевского и Романова,—не портрет молодежи и не ее художественное воплощение, а карикатура и клевета на молодежь.

Такая характеристика «проблемной» литературы встретила со стороны некоторых суровое осуждение. В сборнике «Какова же наша молодежь» (ГИЗ, 1927 г.) т. Гусев пишет, что «политическая ошибка заключалась бы в признании их (т.-е. произведений, о которых идет речь—И. Б.) клеветническими и контр-революционными»¹.

Правильно ли комсомол, в лице своего центрального органа «Комс. Правды», оценил произведения Малашкина, Гумилевского и Романова? Или он совершил своей оценкой политическую ошибку? Комсомол

¹ См. сб. «Какова же наша молодежь», стр. 46.

поступил совершенно правильно, ибо критика нашей молодежи, даваемая в произведениях Малашкина и др.—не есть здоровая, трезвая критика. Их «критика»—паника перед нашими трудностями и болезнями, паническое раздувание их. А паническая «критика» не является нашей критикой, критикой нам нужной и нам необходимой.

Произведения Малашкина и др. являются не только клеветническими. Они помимо этого и **упадочнические произведения**, что является естественным следствием панического раздувания трудностей и болезней. «Луна с правой стороны», «Собачий переулочок», «Без черемухи», не давая трезвой, действительной оценки нашей молодежи, видят последнюю глазами упадочников. Эти произведения способны иметь своим результатом только одно: поддерживать и сеять упадочнические настроения.

Упадочнический характер названных произведений ярко виден и еще с одной стороны. Они не дают никаких выходов из обрисовываемых мрачных тупиков и переулков. Нельзя же, действительно, считать выходом... поездку Тани Аристарховой на север, в леса. Нельзя же считать выходом бегство Хорохорина в уездную сибирскую глушь. Литература, которая, обрисовывая теневые стороны, не рисует выходов, не способна их указать,—упадочническая литература. Литература наших дней, литература бодрых людей, какими являются люди нашего класса, никогда не запутается в противоречиях нашего времени, не забарахтается беспомощно в имеющихся у нас болезнях и язвах,—она покажет пути, которыми из противоречий можно выйти, болезни и язвы можно вылечить, ибо такие пути у нас имеются на самом деле. Не заметить

этих путей, не видеть и не показать их способна лишь упадочническая литература.

Упадочническая литература не завершила свой круг произведениями Малашкина, Гумилевского и Романова. Нас продолжают «дарить» подобными произведениями и другие писатели. Федор Гладков, автор знаменитого «Цемент», написал повесть тоже из жизни молодежи — «Пьяное солнце»¹. Правда, Гладков «учел опыт» своих предшественников, учел до некоторой степени тот отпор, который дала молодежь литературе собачьих переулков. Но все это, к сожалению, только до **некоторой степени**.

«Пьяное солнце» описывает молодежь в Крымской санатории. Конечно, комсомольцев можно показать в санаторной обстановке так же, как и в обстановке сумасшедшего дома. С **этой** стороны обрисовываемые типы будут безусловно **не характерны** для нашей молодежи, ибо, как известно, не вся же наша молодежь находится в больницах, санаториях и сумасшедших домах...

Но нельзя упустить из виду того обстоятельства, что описываемые Гладковым представители молодежи являются **активом** ее. Яша Мазин — завагитпроп комсомольского комитета, Маруся — вожатый пионер-отряда. И что же? Все типы молодежи, выведенные в «Пьяном солнце», снова те же **выродки**, с которыми мы встречаемся и в «Луне» и в «Собачьем переулке». Снова проблема художественного отображения молодежи **заменена** проблемой пола. Снова мы видим не **нашу** молодежь, а завуалированных чубаровцев.

О чем думает молодежь «Пьяного солнца»? А вот о чем:

¹ „Новый мир“, кн. 8 и 9 за 1927 г.

«Ура, ребята! Бери на abordаж!.. Она гуляет с одним Мазиным... Не допускать! Нюхай, чем она сейчас пахнет! Жми там, где мягче... Выпаривай из нее мещанство».

Даже язык завагитпропа Мазина—язык чубаровца — «рядовому» читателю не всегда понятен (неизвестен, напр., смысл такого перла, как «марафетка»).

Снова молодежь мучается вокруг того же надоевшего полового вопроса. Снова и здесь ничего не замечено у молодежи, кроме этой злосчастной «проблемы». И снова же не рисуется никакого выхода.

В «Пьяном солнце» характерен еще один момент. «Луны справа» и «Собачий переулки» ограничивались одной только молодежью. «Пьяное солнце» на ряду с молодежью обрисовывает и старшее поколение революционеров—старую большевистскую гвардию. Но в том, как старая гвардия обрисована, полнее всего выступает упадочнический характер «Пьяного солнца». Старые революционеры «Пьяного солнца» пропитаны безверием, наполнены сплошными сомнениями. Ака-туев—тот твердит о том, что ответственные работники отделены непроницаемою стеною от массы. Софья Петровна уверена, что в наше время—«человек человеку стал истукан». В этом—сердцевина, внутреннее содержание представителей старой гвардии в «Пьяном солнце». Нечего говорить, что эти **типичные упадочники** не могут быть названы действительными представителями старой гвардии, что эти вырождаки под стать вырождакам из молодежи.

Нам сейчас важно установить **общий упадочнический «стиль» «Пьяного солнца»**, в котором, что ни тип—то чубаровец или упадочник. Пусть—санатория! Но почему же никакого просвета, почему обязатель-

но сломанные—и физически (у Мазина чуть ли не на каждой странице дергается из стороны в сторону голова) и духовно—люди, представители **всех поколений?**

Многие, защищая упадочническую литературу, говорят: «Чего подымается такой большой переполох, почему столько крику по поводу произведений, **неверно** отражающих нашу молодежь? Не является ли этот крик доказательством того, что Малашкин и др. попадают в цель?»

Отчего, в самом деле, столько уделяется внимания упадочническим произведениям? Это внимание, прежде всего, является частью борьбы с упадочничеством вообще, поддерживаемым «лунами», «солнцами» и «собачьими переулками». Разоблачая эти произведения, вскрывая их упадочнический, вредный характер, комсомол тем самым борется с упадочническими настроениями и среди молодежи, и среди советской литературы. Нам нужна литература бодрых людей, литература, которая помогала бы делу правильного воспитания молодежи, а не мешала, не противодействовала бы ему. Бороться с упадочничеством среди молодежи, с другими болезнями, которые имеются у нее, нам нужно **всем фронтом советской общественности**, в том числе и через художественную литературу. Упадочническая же литература становится не плечом к плечу с нами в нашей борьбе, а по сути дела против нас, в один ряд с теми явлениями, с которыми мы ведем борьбу.

Много крику по поводу упадочнических произведений потому, что молодежь хочет увидеть отражение в литературе своего **подлинного** лица, а не карикатуру на себя. Хорошо было сказано одним рабочим

комсомольцем на диспуте о «Пьяном солнце»: «Мы, рабочая молодежь, работаем, работаем, а они—советские писатели—ничего этого не замечают». Молодежь хочет, чтобы ее творческая работа, ее роль, как участника социалистического строительства, нашла художественное отображение в литературе. Такое отображение пойдет на пользу делу коммунистического воспитания молодежи, будет ее вдохновлять, заряжать энтузиазмом на дальнейшую работу по строительству социализма, сделает ей более ясным наши социалистические пути, еще больше укрепит ее революционную твердость и уверенность.

Отпор упадочнической литературе нужен еще и потому, что она, как и упадочничество вообще, имеет **стык** с такими нашими врагами, как **мещанство**. Это видно на примере произведений Романова, это видно и на примере таких стихов, как «Послание любимой» поэта Молчанова, в котором поэт из-за жакета богатой и красивой перестает видеть свой класс, забывает о нем.

Упадочничество в литературе находит иногда стык не только с мещанством, а и с более серьезными нашими врагами, например, с прямой **кулацкой контр-революцией**. У поэта **Клюева** есть «Плач о Есенине». Клюев не только плачет. Для него не только:

Отцвела моя белая липа в саду,
Отзвенел соловьиный расцвет над речкой...

Ему кроме того:

Вольготнее бы на поклоне в Золотую Орду
Изведать ятагана с ханскою насечкою.

Он заявляет о своих сокровенных желаниях:

Будет, будет русское дело.
Объявится Иван Третий...

Дальше упадочничеству в литературе идти, действительно, некуда. Мы не утверждаем, что упадочничество в литературе **обязательно** перерастает в контрреволюцию, но **иногда**, как видим, в нее перерастает вполне **определенно**. Это подчеркивает всю важность, всю необходимость решительного отпора упадочнической литературе, борьбы с нею не только мерами общественного воздействия, но и мерами административного государственного вмешательства (хотя бы через Главлит).

Явно враждебное лицо упадочничества в литературе Ключевым показано без маскировки, открыто.

7

Уже сравнительно давно «Комсомольской Правдой» был поднят вопрос о так называемой «есенинщине». Есенинщина одно время достаточно громко заявляла о себе рядом самоубийств в вузах.

Уже тогда не было единодушия в оценке есенинщины. С пеной у рта некоторые литераторы (главным образом, из среды «друзей» покойного поэта) боролись против определения есенинской поэзии, как поэзии упадочнической. С другой стороны, находились, да и теперь находятся люди, утверждающие, что в есенинском тупике находится чуть ли не вся наша молодежь. По ряду обстоятельств споры по этим вопросам остались неоконченными. Не окончены они, в первую очередь, по первой линии — с литераторами, боровшимися и **борющимися** против оценки есенинской поэзии, как упадочнической.

Кампания против есенинщины, поднятая комсомолом, уже дала значительные результаты. Молодежь

стала более критически относиться к Есенину. Есть основания утверждать, что «увлечение» Есениным в известной мере осталось позади. Но никоим образом нельзя все еще отрицать, что есенинщина представляет собою определенную **силу**. В есенинский тупик забредают еще очень многие. Окончательному преодолению есенинщины мешают как раз те самые литераторы, о которых речь шла выше, которые, по удачному выражению тов. Бухарина, являются «поклонницами Есенина» (поклонницами обоего пола) или, что не менее удачно,—«есенинскими вдовами».

Накануне первой годовщины смерти Есенина состоялся диспут на тему: «Есенин и есенинщина». Газетный отчет («Известия» № 296) сообщает, что говорилось на этом диспуте:

«Приближается годовщина смерти Есенина, пора изъять этот термин (т.-е. «есенинщину»—И. Б.) из употребления, скорбно и дружественно склонить головы перед этой большой могилой». «Эти слова тов. Воронского,—читаем дальше в отчете,—сказанные в этот вечер, можно было бы взять эпиграфом к отчету обо всем диспуте. Ибо это положение не только защищал в своем докладе т. Полонский, но и самый крайний левофланговый на трибуне напостовец, тов. Ермилов бросил такую фразу: «Характеризовать поэзию Есенина только как поэзию упадочничества—просто глупость, потому что творчество его было сложно и многообразно».

Как видим, на диспуте было трогательное единение обычно сильно враждующих между собой товарищей. Объяснять это единение настроением траурной годовщины навряд ли будет серьезным делом. Факт остается фактом. Напостовец тов. Ермилов на сей раз, к сожа-

лению, остался «крайним левифланговым» только лишь по месту своего расположения на трибуне.

Чего же требуют товарищи, выступавшие на диспуте? Они требуют, во-первых, изъятия термина «есенинщина» и, следовательно, во-вторых, **прекращения борьбы против есенинщины.**

Можно ли пойти на эти требования? Зная свирепость — тоже «крайнюю» — тов. Ермилова, известного своей непримиримостью ко всякого рода глупостям, не лучше ли согласиться с этими категорическими требованиями? Но нет, на это никак нельзя пойти. Безусловно, нельзя пойти. (Правильно писал тов. Бухарин в своих «Злых замечках»: «По есенинщине нужно дать **хороший залп**. Нужно, чтобы люди немножко опомнились и осмотрелись по сторонам. Это бывает иногда очень и очень полезно».) Если мы такого **хорошенького** залпа не дадим, мы никогда не разделимся с есенинщиной.

Есть ли **все** основания употреблять термин «есенинщина» и есть ли **вся** необходимость вести с есенинщиной свирепую борьбу? Правильно ли характеризовать поэзию Есенина, как поэзию упадочничества, или же делать так, значит, как «бросает» тов. Ермилов, делать глупость?

Нам кажется, что глупость делают вовсе не те, о которых говорит тов. Ермилов. Как раз наоборот. Не ставя себе целью выяснения здесь социальной сущности есенинской поэзии — это должно быть сделано отдельно, — нужно отметить такой интересный момент: как воспринимается поэзия Есенина широкими читательскими массами? Это может явиться проверкой правильности характеристики сущности творчества Есенина.

И вот что-то не заметно сколько-нибудь широкого распространения таких стихов Есенина, которые, как писал один критик, похожи на «раннее майское утро». Зато стихи, в которых описываются бандиты, «жарящие спирт», пьяные проститутки, «сисястые бабы», кабацкие логовища, в которых матерщина да слезы, — вот как раз эти есенинские стихи широко известны. По ним у нас знают Есенина. И это далеко не случайность. Именно эти стихи являются характерными для всего Есенина. [Нам думается, что Ермилов не заподозрит т. Бухарина в глупости, а как раз последний дает есенинской поэзии характеристику, противоположную ермиловской. Вот бухаринская характеристика:

«И все-таки, в целом (курсив Бухарина) есенинщина — это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из «кобелей», икон, «сисястых баб», жарких свечей, березок, луны, сук, господ бога, некрофилий, обильных пьяных слез и «тропической» пьяной икоты, религии и хулиганства, «любви» к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на «широкий размах» (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до «принципиальной» высоты, и т. д., — все это под колпаком юродствующего quasi народного национализма, — вот что такое есенинщина».

Такова бухаринская характеристика «сложного и многообразного» творчества Есенина. И сложность, и многообразие действительно удивительные!.. Именно такая сложность, такое многообразие и составляют существо есенинщины. Именно они-то и заставили комсомол начать борьбу с есенинщиной, как с ярко выра-

женным упадочничеством. «Есенинские вдовы» не должны помешать продолжать вести эту борьбу. Борьба должна продолжаться.

Нельзя ее ослаблять уже по одному тому, что «есенинские вдовы» не прекращают **своей** борьбы за Есенина.

Сейчас надо сосредоточить более глубокое внимание на путях борьбы с есенинщиной. Здесь имеются нетерпимые извращения. В некоторых (и довольно многих) местах доходят до того, что **прячут** Есенина от молодежи. Таким «вумным» шагом добиваются как раз обратное своим намерениям — повышения интереса к Есенину. В других местах применяются тоже крайне своеобразные, вернее, возмутительные меры борьбы. Один товарищ на студенческом собрании так бахвалился своей борьбой с есенинщиной: «Я сталкивался с такими людьми, которые сейчас в могиле, именно — с самоубийцами. Похоронил несколько человек и даже **одному самоубийце — мертвому — заехал по зубам**». Поганая, безобразная истерика!.. Таких «героев» бесстрашной борьбы с мертвецами надо клеймить общественным презрением.

Особенное внимание в борьбе с есенинщиной должно быть обращено на правильное раз'яснение сущности есенинской поэзии, ее «сложности» и «многогранности». Надо обратить внимание на тот факт, что «есенинские вдовы» в этом отношении куда поворотливее нас: ими Есенин — в их толковании — «раз'яснен» весьма подробно. У нас же — одни отрывки. «Вдовьим» толкованиям надо противопоставить серьезное орудие. Без этого многие, усердно подталкиваемые «вдовами» и «поклонницами», будут и впредь попадать в есенинский тупик.

VII. ЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКУЮ НЕПРИМИРИМОСТЬ

О правильной идейной установке повседневных дел. — Не за узколобых делая, а за преданных рабочему классу строителей. — О цитатах, сомнениях и уклонах молодежи. — Встретил врага в полном идейном вооружении.

Пути борьбы с мелкобуржуазными, чуждыми и враждебными пролетариату влияниями на молодежь идут через основные участки всей работы комсомола. Они идут через **вопросы роста**, укрепления пролетарского ядра и усиления пролетарского и партийного **руководства** в комсомоле. Важно, чтобы к вопросам роста и усиления пролетарского руководства подходили не на голой бумажной основе выполнения очередного циркуляра «о регулировании», а на основе сохранения в комсомоле гегемонии рабочей молодежи, гегемонии пролетарской идеологии и пролетарских настроений, без чего наш союз не сумеет переварить входящие в него нпролетарские, мелкобуржуазные, «инородные» элементы, не сумеет крепким пролетарским массивом противостоять мелкобуржуазной стихии.

Пути борьбы идут также и через **вопросы экономической работы** комсомола. Безработица, жилищная нужда, извращения при проведении рационализации, бедняцкая нужда — во многом облегчают проникнове-

ние в среду молодежи враждебных влияний. На примере антисемитизма, сектантства, упадочничества это, как мы видели, проявляется с особой силой. Не организуя трудовой помощи безработному, трудно доказывать ему вредность упадочнических настроений. Не организуя экономической помощи бедняку, трудно вытаскивать его «душу» и «грешное тело» из сектантских сетей, из-под кулацкого влияния. Вопросы экономической работы, следовательно, с точки зрения борьбы с проникновением чуждых влияний, имеют крупное значение.

Эти пути идут, наконец, через такие основные для комсомола вопросы, как правильная идейная установка всей работы, как политическое классовое воспитание молодежи, выковывание у нее идеологической непримиримости ко всему чуждому и враждебному пролетариату, как политическая закалка молодежи.

Правильная идейная установка всей работы — главное условие во всей работе и борьбе комсомола. Лишь при такой установке наш союз сумеет выковать новые коммунистические кадры, знающие «что к чему», знающие все задачи, видящие все опасности, неспособные на попустительство и недооценку враждебных пролетариату сил. Без правильной идейной установки всех комсомольских дел действительных большевиков не воспитать. Мы подчеркиваем: «всех комсомольских дел» потому, что **об общей** идейной установке комсомола речи не может быть, она сложилась еще до организационного оформления комсомола, с развитием его укреплялась и отшлифовывалась. Речь идет о наших повседневных делах, об **их** правильной идейной установке. Сказать же, что в **этой** области у нас обстоит все ладно, нельзя.

Теперешняя полоса развития пролетарского государства — полоса мирного социалистического строительства, полоса «малых дел». В этой полосе можно сбиться с правильной оценки наших повседневных дел, можно сойти с правильной идейной установки их. Некоторые и сбиваются, и сходят. Известно, например, «чистоплюйство», отрицающее «малые дела», из-за «будней» проглядывающее полную необходимость для развития мировой революции нашего строительства, живущее воспоминаниями о годах прямых схваток с врагами, постоянно жалующееся на скучность и неинтересность теперешней эпохи. Проповедников такого «чистоплюйства» Ленин советовал освобождать от работы и сдавать в архив. «Чистоплюи» не имеют представления о всем грандиозном содержании теперешней полосы развития. «Чистоплюйство» — враг правильной идейной установки повседневного строительства.

Нисколько не меньшую опасность представляет и узколобое делячество, не видящее, так же, как и «чистоплюйство», только с обратной стороны, связи «малых дел» с общими революционными задачами, теряющее революционную перспективу, превращающее «малые дела» из орудия строительства социализма в самоцель. Узколобые дележки также не имеют представления о всем грандиозном содержании теперешней полосы развития. Узколобое делячество — также враг правильной идейной установки повседневного строительства.

И «чистоплюйство» и узколобое делячество пытаются стащить нас в повседневной работе с верной идеологической установки. Без борьбы как с одним, так и с другим нельзя по-ленински воспитывать молодежь, оттачивать ее идеологию.

Тов. Бухарин писал о нашей молодежи:

«Из нее могут выйти американско-капиталистические дельцы, полководцы, предприниматели, делегаты буржуазной интеллигенции, если наше развитие пойдет по линии нашего вырождения и нашего превращения в буржуазно-капиталистическую страну.

Из нее могут выйти (и, надеемся, так именно и будет) крепко сколоченные, смелые, знающие, преданные рабочему классу строители нового общества, если мы будем развиваться на все более и более социалистических рельсах».

Наше развитие идет на «все более и более социалистических рельсах». Теперь, на 11-м году пролетарской революции, это очевидно для всех, не ослепивших себя теориями о термидоре. Мы, вопреки всяческим паническим крикам, не вырождаемся и не перерождаемся. Но отсюда никак нельзя заключить, что можно, успокоившись констатированием социалистических путей нашего развития, сидеть сложа руки: «время, факты — работают за нас». Время работает за нас — это верно, но лишь в том случае, если мы сами активно работаем вместе со временем, нога в ногу, плечом к плечу с ним. Враги не спят, они работают **против** нас. Этого упускать из виду никогда нельзя.

Многие комсомольцы, с головой окунувшиеся в повседневную строительную работу, недоумевают: «мы, например, советские служащие, заняты такими делами, как рациональная постановка делопроизводства, счетоводства и тому подобными «малыми делами»; мы — кооперативные торговцы — следим за качеством и ценою селедки, за вежливым отношением к покупателю — разве все это не делячество, разве из нас не вырабатываются узколобые дельцы?». В ответ на такие во-

просы можно сказать только одно: «вы, товарищи, в самом деле превратились в тех узколобых деяг, о которых писал тов. Бухарин, **если** в своей мелкой повседневной, но абсолютно необходимой работе исходящим журналом и селедкой отгородились от общего социалистического строительства, если в деловой сутолоке потеряли связь своих «малых дел» с общим большим делом — делом революции, потеряли революционную перспективу».

Борьба за сохранение революционной перспективы особое значение имеет сейчас, когда в преддверии культурной революции размах «малых дел» комсомола увеличивается. Без сохранения революционной перспективы нет правильной идейной установки повседневной работы. Без правильной идейной установки нет воспитания закаленного революционного борца.

Всей своей политической учебой, всей своей практической работой мы должны воспитывать у молодежи ясное понимание связи «малых дел» с общей революционной перспективой, развивать в ней преданность своему классу, воспитывать подлинную классовую непримиримость ко всему, что мешает, ко всему, что враждебно пролетариату. Идейной бесхребетности, неясности, неоформленности у нас не место. В общественной работе, в личной жизни, в быту, всегда и во всем комсомолец обязан быть верен своему классу, верен революционной идеологии, непримирим ко всему ей чуждому. Завполитпросвета, из-за поросенка потерявшего комсомол, «электротехника Боба», из-за «джимми» и визитной карточки изменившего своему классу, деревенского активиста, из-за иконостаса, облитого золотом, перешедшего чтецом в церковь,—у нас быть не должно. Учебой в политшколах и учебой на

жизненных примерах, на практической работе надо выковывать в каждом комсомольце чувство классовой идеологической нетерпимости.

Ясно, что такую крупнейшую задачу, как воспитание классовой нетерпимости, нельзя разрешить без живой самостоятельной внутрисоюзной работы. Поэтому пути борьбы с мелкобуржуазными влияниями идут и через **вопросы дальнейшего оживления внутрикомсомольской жизни и работы**. Политически закалить молодежь, выработать у нее верное классовое чутье, идеологическую нетерпимость, идейно вооружить ее против нэпмана, кулака, пона нельзя без воспитания молодежи на живой, самостоятельной работе. Добиться непроницаемой идейной сплоченности, которая не будет подточена враждебными силами, можно не высокими проповедями «о значении и роли» пролетарской идеологии, а лишь только на основе творческой самостоятельной жизни внутри организации, вовлечения в работу каждого члена союза. Ворохами цитат, зубрежкой их, молодежь политически не закалится. Зазубренная цитата не является средством вскрытия, определения классowego лица маскирующегося врага, она не вырабатывает у молодежи классового чутья. Нужно широкое выявление и разрешение всех **сомнений** молодежи.

У Гладкова в «Пьяном солнце» мельком показан один комсомолец, который говорит, что надо на зубок знать все резолюции и циркуляры, уметь без запинки, слово в слово, повторять их, даже если тебя разбудят среди ночи, и что только это является гарантией от различных уклонов. Против **таких** вот методов политического воспитания молодежи надо бороться со всей силой, ибо они в своем результате дадут не сознательных, закаленных борцов, знающих врага и могущих

победить его, а ходячие цитаты, цитаты в мундирах, ни к какой идейной борьбе не способных. Уклоны, когда они налицо, уклонами называть и нужно. Но нельзя, как это иногда бывает, уклонами окрещивать проявление каждого сомнения молодежи. Именно выявление и действительное разрешение сомнений, а не закидывание и заглушение их цитатами, является гарантией от впадения в действительные уклоны от правильной ленинской линии. Лишь выявивший и до конца разрешивший все свои сомнения комсомолец может стать до конца убежденным, идейно закаленным революционером.

Пути борьбы с мелкобуржуазными влияниями на молодежь идут, безусловно, не только через вопросы непосредственно комсомольской работы. Чуждые и враждебные влияния просачиваются в молодежь и через кино, театр, литературу. За последнее время внимание комсомола к ним значительно возросло. Комсомол взял под обстрел кино-организации, покровительствующие Гарри Пилям, Мэри Пикфорд и прочим героям мещанства. Вплотную комсомол занялся и вопросами литературы, требуемой и нужной молодежи. И в области кино, и в области литературы предстоит в дальнейшем еще большая работа. Кино и литература — могущественнейшие орудия в борьбе за молодежь, в борьбе за правильное воспитание, классовую закалку ее — должны быть поставлены на службу комсомолу.

Покончив с благодушием, часто существующим по отношению к идеологическому фронту, комсомол, развертывая борьбу со своими врагами по всем путям, должен главное внимание уделять воспитанию у молодежи идеологической непримиримости ко всему чуждому пролетариату, политически закалять молодежь.

Нэпмана, кулака, попа, пытающихся взять под свое влияние молодое поколение трудящихся Советской страны, мы должны встречать в полном идейном вооружении.

Тогда мы наверняка всей двухмиллионной комсомольской массой одержим полную победу над своими врагами. Тогда мы из борьбы за молодежь выйдем окончательными победителями.

Декабрь 1927 г.

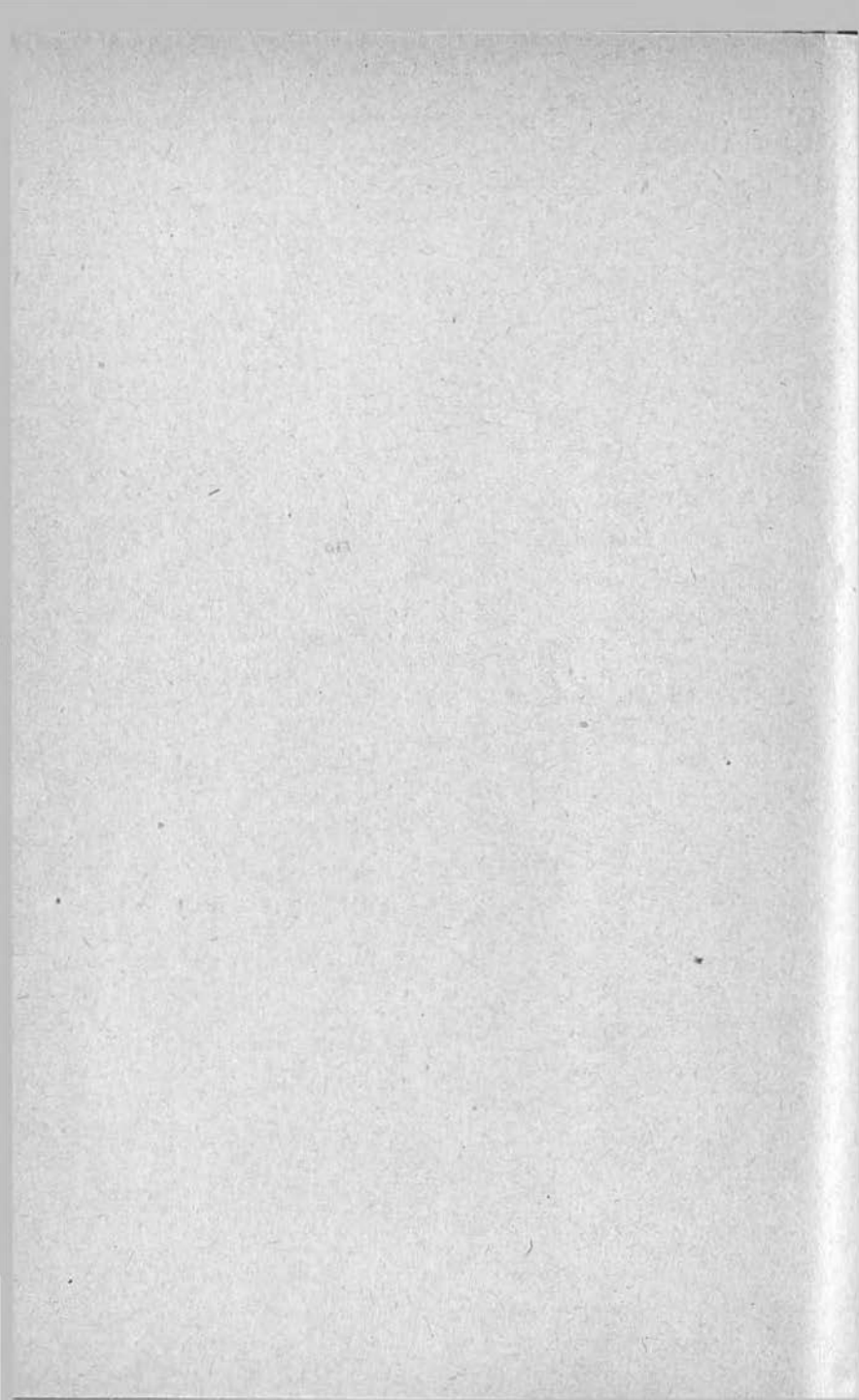
* * *

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Врагов надо знать	3
II. Антисемитизм	10
III. Враг с крестом и молитвою	30
IV. Враги нового человека	49
V. О разных видах упадочничества	92
VI. Переулки и тупики	106
VII. За идеологическую непримиримость	131

* * *

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, центр, Новая пл., 6

Брак и семья. Сборник статей и материалов. 176 стр. Ц. 50 к.

Содержание: Предисловие. 1. То, о чем спорят. 2. Законы и жизнь. 3. Вторая сессия ВЦИК о новом проекте. 4. За и против. Приложения: Исторический курьез (из царского закона о браке, семье и опеке). Действующее право (из Кодекса законов о брачном, семейном и опекуном праве).

Бугайский, Я. — Хулиганство, как социально-патологическое явление. С предисловием директора невро-психиатрич. диспансера Наркомздрава Л. М. Розенштейн. 100 стр. Ц. 85 к.

Содержание: Предисловие. Глава I. Социально-исторический очерк хулиганства. Глава II. Хулиганство и преступность. Глава III. Психические ненормальности и хулиганство. Глава IV. Социально-психопатологический анализ хулиганства. Глава V. Меры борьбы с хулиганством. Популярный толкователь слов.

Глебов, В. — Современный антисемитизм и борьба с ним. 56 стр. Ц. 20 к.

Содержание: Антисемитизм при феодальном строе. Национальная грызня в эпоху капитализма. Антисемитизм в западно-европейских буржуазных странах. Антисемитская политика царского правительства. После Октября. Антисемитские настроения настоящего времени. Конкретные ответы на конкретные вопросы. Выводы. Библиография по антисемитизму.

Григоров, Г. и Шкотов, С. — Старый и новый быт. Предисловие А. В. Луначарского. 181 стр. Ц. 1 р.

Содержание: Предисловие А. В. Луначарского. Глава I. Вопрос изучения быта. Глава II. Быт буржуазного общества. Глава III. Быт переходного периода. Глава IV. Революция и быт молодежи. Глава V. Существует ли пролетарская этика. Глава VI. О „любви“ и браке. Заключение.

Жигалин, Г. — Проклятое наследие. Об антисемитизме. 104 стр. Ц. 50 к.

Ипполит. — Право на любовь. 79 стр. Ц. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, центр, Новая пл., 6

Каким должен быть коммунист? Старая и новая мораль. Сборник. С предисловием Ем. Ярославского. 3-е изд. (Библиотека рабочей молодежи). 160 стр. Ц. 65 к.

Комсомольский быт. Сборник. Составил И. Разин. Предисловие Ем. Ярославского. 357 стр. Ц. 2 р.

Содержание: Предисловие Ем. Ярославского. Вопросы коммунистической этики и морали. Каким должен быть быт молодежи. Комсомольский быт, как он есть.

Ласс, Д. И. — Современное студенчество (быт, половая жизнь). С предисловием профессора Броннера. 216 стр. Ц. 1 р. 80 к.

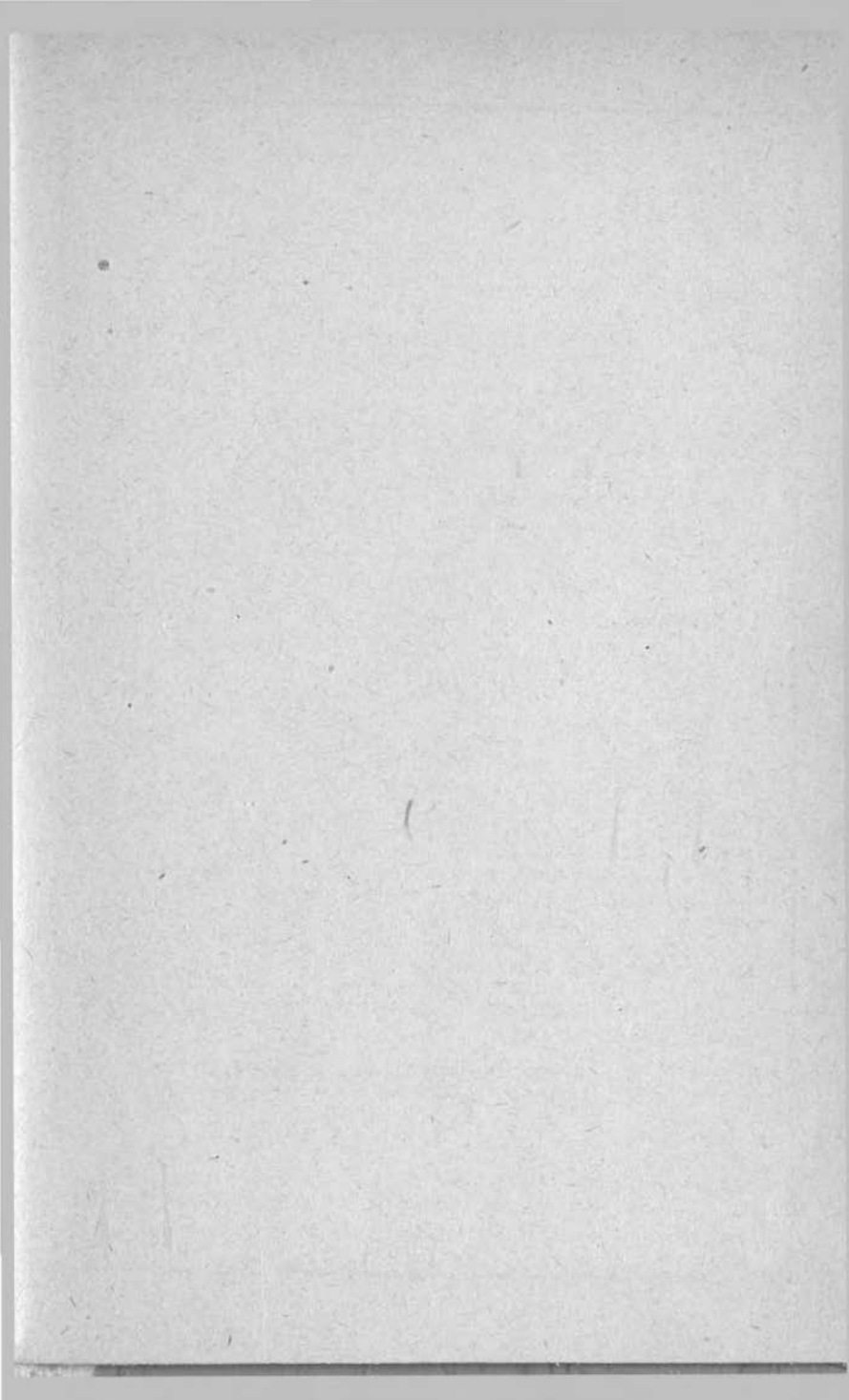
Мильчаков, Ал. — Комсомол в борьбе за культурный быт. 72 стр. Ц. 30 к.

Содержание: От автора. 1. Молодежь нашего времени. Условия, в которых мы живем. Воспитание молодежи в духе коммунизма. 2. Рост явлений распушенности в среде молодежи. 3. Необходимость общественного отпора растущей опасности. Комсомол — на активную борьбу с распушенностью. 4. Основное средство борьбы с распушенностью — культурный подъем масс. 5. О комсомольской инициативе в культурной работе. 6. Значение заинтересованности в работе клуба. 7. Клуб и организация развлечений молодежи. 8. Физкультуру — в массы молодежи. 9. Кино и театр — на борьбу за культуру против распушенности. 10. О борьбе за новый быт в деревне. 11. Роль печати в культурной работе. 12. О важности совместной работы профсоюзов и комсомола. 13. Убеждение и принуждение в борьбе с пьянством и хулиганством. 14. Место культработы в общей деятельности ВЛКСМ. Приложение.

Серов, С. и Лебедев, Л. — Молодежь на суде. Судебно-бытовые очерки. С 4 рисунками. 64 стр. Ц. 40 к.

Заказы высылаются наложенным платежом по получении 25% задатка. При высылке всей суммы заказа вперед — пересылка и упаковка за счет Издательства.

6.

Бобринев, Ч.

272

Мелкобур-

те внешняя

посадка.

997

28

15

13545

75 коп.

Р

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ
Москва, Новая площадь, дом 6/8. Ленинград,
Проспект 25 Октября, 54. Харьков, Горяиновский
пер., Дворец Труда, магазин 15. Ростов н/Дону,
Улица Фр. Энгельса, 102. Киев, ул. Воровского, 25,
Пассаж, 33. Свердловск, улица Малышева, 56.